

Илья Новак
Планета под контролем

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=163421
Планета под контролем: Эксмо; Москва; 2008
ISBN 978-5-699-25564-1*

Аннотация

Спецслужбы нескольких галактических рас сошлись в жестокой схватке на орбите планеты Глиф. Ведь на ее поверхности находится то, ценнее чего нет во всей федерации Оси. Планета в карантине, то есть никто не может проникнуть на Глиф извне сквозь орбитальную блокаду. Но кое-кому это все же удастся – звездный странник-пиччули, представитель почти вымершей расы, сумел проскользнуть мимо боевых дронов и военных спутников. Шаткое равновесие нарушено, и теперь за Бет-Заной, последним из космических хамелеонов, будут охотиться все...

Содержание

Пролог	4
Семь	11
Шесть	29
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Илья Новак

Планета под контролем

Пролог

Поскрипывая гусеницами в тишине технического яруса, киборг двигался вперед. Свет люми-ламп лился со стен и потолка, тусклые столбы перекрещивались под разными углами – словно объемная световая решетка висела в затхлом воздухе. Один манипулятор киборг опустил вдоль покатога бока, второй вытянул вперед. Ствол зажатого в нем боевого силовика медленно двигался из стороны в сторону.

– Это обычный преступник, – пояснил киборг, которого называли Первым. – Я посмотрел информацию лекарей. Аферист и вор, да еще с горбом. Настоящий урод.

– Как мы?.. – на той же волне спросил Второй, укатившийся вперед и теперь поджидающий Первого возле массивной колонны.

Они хотя и были членами МК – галактического Магазина киборгов, – но оба выглядели неважно. «Альта», старинная эмигрантская баржа, принадлежавшая почти обанкротившейся верфи, выполняла свой последний рейс и хорошего обслуживания обеспечить не могла.

Первый остановился, увидев выступивших двоих из-за колонны позади напарника. Дульный срез силовика начал приподниматься, но замер, когда охранник узнал их.

Два лекаря-сопровождающих, эмигрант с Мальты и ящерица-круля, вооруженные пульверизаторами с усыпляющим газом, остановились. Мальт, коренастый, ширококостный и очень толстый, молча поглядел на киборгов, а круля тихо засвиристела. Переводчик-адаптер превратил специфический говорок в обычную панречь.

– Мы слышали шум, – донесся от воротника комбинезона атонированный механический голос. – Он пробирается назад, к трюмам.

– Неужели? – удивился Второй. – А ты уверена?

– Что ему делать в трюмах? – поддержал Первый. – Там нет ни скафандров, ни выхода к стартовым площадкам.

Мальт повернул к нему голову и неторопливо произнес:

– Я объясню тебе, служивый. Этот пиччули пережил уже трех своих доминант-хозяев, и все – нарушители закона. Бывший мародер из Лошадиной Головы, наемник-акрулос, убийца с Земли... И от каждого он успел набраться разных... умений. В его послужном списке – убийства, грабежи и попытка изнасилования. А сейчас как раз в Миссии Объединения прошла старая идея насчет ментального перепрограммирования преступников. Ну вот, неназванный – а он сейчас лишен прежнего имени – и стал первым. Опытный образец, так сказать. И ничего не получилось.

– Почему? – спросил Первый. – Зомбированием давно занимался Конклав, это всем известно.

– Э, нет, тут не зомбирование. Тут штука не такая простая. Это же полная переделка личности. Короче, не вышло у них. Он не только память потерял. Он еще и стал действовать, как бы это сказать... неадекватно. Вот и убежал от нас.

Второй уточнил:

– Неадекватно чему?

– Неадекватно обстоятельствам... – Мальт не спеша обошел колонну. – Мы должны были доставить пациента на «Плюмаж», потому что на него хотел взглянуть гидроник. Пиччули все просил, чтобы кто-то из нас назвал его, а мы, понятно, не соглашались. Вот он и

сбежал, но это не означает, что он хочет смыться с баржи. Хотя вообще-то пока надо говорить не «он», а «оно». Так вот, оно, по-моему, вообще не понимает, что вокруг происходит. Просто ему надо, чтобы кто-то его *определил*, дал имя... Короче, двигайте к трюмам.

– У них, говорят, от имени все зависело, – вспомнил Первый. – Да, малют? У пиччули имя вроде не просто так дается. Мол, в правильном имени заложена судьба того, кому оно принадлежит.

Второй предложил напарнику:

– Я пойду к трюмам, а ты дежурь перед выходом к стартовым площадкам. Вдруг он вернется.

– Так и сделаем, – согласился Первый.

Они разъехались, фигуры лекарей тоже исчезли в сумерках технического яруса.

Некоторое время было тихо и ничто не двигалось, потом в наклонном столбе тусклого света, льющегося от люми-лампы под потолком, мелькнула фигура – горбатая и уродливая. Существо передвигалось, низко пригнувшись и вытянув шею; руки с длинными узловатыми когтями-пальцами были прижаты к груди. Потерявший имя пиччули остался единственным представителем расы приживал, полностью исчезнувшей во время последней войны. Он замер, настороженно поводя из стороны в сторону плоским носом, затем направился дальше и исчез в одном из неосвещенных коридоров.

Баржа «Альта» медленно приближалась к Глифу, одной из планет системы Бенетеша. На ее орбите было лишь два постоянных искусственных спутника: платформа «Плюмаж» и станция «Эгибо» – орбитальное хранилище, куда с поверхности планеты отправлялся урожай кренча.

Первый остановился возле тамбура, за которым начинался короткий коридор. Через него можно было попасть в стартовые колодцы спасаемых модулей.

Киборг осмотрелся. Набор силиконовых, металлических, каучуковых и органических элементов, из которых состоял охранник, давно нуждался в ремонте. Другими словами, Первый был стар и болен, но боль он ощущал в виде раздражающих импульсов, которые доносили до центрального мозга искусственные нервные окончания.

Первый считал, что это несправедливо. Когда-то он стоял у истоков Магазина киборгов и теперь полагал, что ему причитается хотя бы малая толика тех благ, которых сумел добиться Магазин для своих членов. Ему как минимум было положено имя. Право на имя для каждого киборга – одно из основных требований МК. Впрочем, как всегда бывает, для справедливости не осталось места после того, как вслед за формальной победой в игру вступили большая политика и большие деньги.

Послышался гул, и стоящий под дальней стеной электромобиль тронулся с места. На таких машинах передвигался технический персонал «Альты». Потому как «Альта» стартовала еще до того, как федераты изобрели навигатор, позволяющий удерживать фиксированные координаты в изнанке «реального космоса». Общая длина коридоров баржи достигала пятидесяти третейских миль, ведь предполагалось, что несколькими сотням семей эмигрантов предстоит лететь на ней неопределенно долгий срок. Такие баржи были снабжены гидропонными фермами, искусственными озерами, флора-заповедниками для отдыха и жилыми ярусами, сконструированными по принципу ульев.

Первый увидел, как электромобиль быстро набирает скорость, вскинул оружие и выстрелил. Силовой поток, с гудением ударив в щиток, ушел в сторону. Охранник успел заметить голову за щитком, непроницаемо-черные глаза – и тут передок машины врезался в него. Первого сбilo с гусениц, опрокинуло на пол. Сначала электромобиль толкал его перед собой, затем подмял и с хрустом переехал. По рифленому полу разлетелись куски пластика, силиконовые комки и металлические детали.

Электромобиль, врезавшись в колонну, перевернулся, но за секунду до этого пиччули успел соскочить. Он отбежал в сторону и замер, оглядываясь. Из кабины лежащей на боку машины сыпались искры. Последний приживала федерации повел носом, ноздри его раздулись, ощутив запах озона. Кабина электромобиля озарилась вспышкой голубого света, шипящие синие молнии зазмеились по полу. Пиччули отпрыгнул. Молнии одновременно исчезли, что-то с громким хлопком выстрелило из кабины вверх и ударило в высокий потолок. На пол посыпались ржавая труха и ошметки металла. Фыркнув, лишившийся имени побежал к шлюзу, за которым открывались колодцы спасаемых модулей.

В это же время пятью ярусами выше, возле носовой части баржи, чья-то рука повернула верньер цифрового замка малогабаритного переносного сейфа, который принадлежал врачам, сопровождающим пациента-пиччули. С тихим щелчком дверца открылась, рука просунулась внутрь. Некоторые внешние особенности позволяли со стопроцентной точностью определить, представителю какой именно разумной расы пангалактики она принадлежит. Рука пошарила в сейфе, вынырнула обратно, сжимая прозрачную тубу, в которой, казалось, не было ничего, кроме воздуха. Тубу закупоривала круглая пластиковая пробка, снабженная печатью со стилизованным изображением Вечного Сердца – символа Клубка врачей. Длинный тонкий палец скovyрнул печать. Пробка отскочила. Пальцы разжались, туба упала и покатила по полу.

Раздались быстро удаляющиеся шаги.

Охранные системы баржи едва работали. Того, что последовало за открытием тубы, они не заметили, но электроразряд, пронзивший потолок и стены технического яруса после взрыва электромобиля, обнаружить все же смогли.

Зазвучала сирена, и в коридоре, ведущем к помещению, где располагался открытый теперь сейф, возникла круля, одна из сопровождающих приживалу. Она увидела открытую дверцу, откупоренную тубу на полу – и выскочила обратно.

Коммуникационный браслет на изящной, покрытой чешуей лапке позволял проникать в информационную паутину баржи, а допуск Клубка врачей давал право выходить прямо на общую систему оповещения. Сейчас на барже находились, включая команду, четырнадцать разумных гуманоидов. Речь крули была эмоциональной, но механический голос адаптера, полившийся из четырнадцати браслетов, сух и атонирован.

– В носовой части вскрыта емкость с креатором глетт-класса. Адаптационный период бактерий – пятнадцать третейских минут. Плюс пять-семь минут на полное заражение баржи. Всем немедленно покинуть «Альту». Правом Клубка мы объявим баржу «Альта» зараженной. Через двенадцать минут соответствующее сообщение будет отослано на платформу «Плюмаж» и патрульные корабли космопола. Любой, кто не покинет баржу в течение двенадцати минут, считается зараженным бактериями-креаторами глетт-класса. Лечению это не подлежит. Правом Клубка подразумевается немедленное уничтожение любого индивидуума, подвергнувшегося атаке креаторов. Повторяю: через двенадцать минут на «Плюмаже» узнают о бактериальной атаке. Клубок даст подтверждение, и баржа будет оцеплена. Всем немедленно покинуть баржу. Немедленно покинуть баржу. Немедленно покинуть...

Сирена уже смолкла. Преодолев просторный зал полуразрушенного флора-заповедника, ящерица спустилась на нижний ярус и здесь увидела перевернутый электромобиль. Спереди доносились быстрые шаги и голоса членов команды. Круля шумно вздохнула, ощутив запах озона, окинула взглядом останки киборга-охранника и бросилась дальше.

Перед шлюзом, который вел к модулям, она столкнулась с капитаном и своим напарником. Капитан был птицоидом-акрулосом, штатным военным Империи, хотя и одет в гражданский комбинезон. Торчащие из широких рукавов атрофированные крылья с тонкими пальцами на концах он прижимал к бокам.

– Это возмутительно! – клетот и шелканье с трудом складывались в словоформы пан-речи. – Перевозить креаторы на моей барже!

– Симбиоты приказали привезти бактерии на Плюмаж вместе с пиччули... Что там? – спросил мальт, увидев крулю.

Ящерица остановилась рядом.

– Не знаю, кто вскрыл тубу. На сейфе был кодовый замок. Где пациент?

Мальт покачал головой:

– Одного модуля не хватает...

Шестеро членов команды уже добрались до модулей, из глубины технического яруса доносился топот остальных.

– Ты все правильно сделала, – одобрил мальт действия напарницы и обратился к капитану: – Креативные глетт-бактерии превратят вас в органическую кашу с «рассеянным» интеллектом. Противоядия нет. Забудьте о сбежавшем пациенте, он уже улетел отсюда. Уходите все, только оставьте нам один модуль. Мы покинем баржу последними. По Праву Клубка!

* * *

Временным эталоном федерации Оси считался нейтронный пульсар Чандрасеккар, своими вспышками исправно отсчитывающий третейские секунды. Третьское соглашение состоялось два века назад – гуманоиды пангалактики решили, что пользоваться одинаковой системой отсчета будет удобнее для всех, во всяком случае, если речь идет о нейтральном космосе, а не о родных планетах.

За семьдесят пять третейских часов до того, как в районе звезды Бенетеш разразился кризис, вызванный заражением баржи «Альта», на планете в другом конце галактической федерации, в бункере, скрытом под действующим вулканом и снабженном несколькими системами защиты, появились гости. Их было трое, все принадлежали к разным расам: круля, мальт и еще один гуманоид, представитель очень редкого, экзотического племени.

Хозяин бункера, с виду обычный чернокожий землянин, дождавшись, когда они усядутся, включил стереопроектор. На экране развернулась панорама серой планеты, и он начал рассказывать:

– Итак, это Глиф. Тяготение 0,9 от стандартного. Одной стороной планета постоянно обращена к желтому карлику, получается, что с одной стороны всегда день, хотя в перигее свет ярче, а в апогее тусклее. По регулярной смене интенсивности освещения отсчитывают глифские циклы. Среднестатистическая температура – 20 единиц, давление стандартное, состав атмосферы примерно земной, а климат на планете, после того как была введена система метеопоплавок, стал сверхвлажным. Поверхность в основном болотистая, есть несколько рек и сеть мелких озер. Два горных массива, оба не слишком значительные. Но это все вспомогательная информация. Теперь история... – Он окинул взглядом гостей, которые слушали внимательно, но без особого интереса. – Почти двести лет назад планету открыл Глифер Кренч, землянин. Он работал механиком на «акуле», которую расплескал резонансный разрядник. Результат акции халган. Позже два контрабандиста услышали идущие с планеты призывы о помощи и подобрали землянина. Глифер остался жив благодаря клубням растения, названного впоследствии кренчем.

Тем временем картинка на экране сменилась. Автоматически включившаяся два века назад носовая камера модуля-спасателя показывала лежащего на земле человека в скафандре устаревшей модификации. Шлем его был снят и валялся рядом в траве. Камера, поврежденная во время аварийной посадки, работала плохо. Изображение то расплывалось, то становилось очень резким, и тогда можно было разглядеть, что лицо человека смертельно бледно

и покрыто каплями пота. Он лежал на боку не шевелясь. Чуть дальше виднелся зеленый куст с тонкими прямыми ветками.

Хозяин бункера продолжал:

– Эту историю знают все. Примечательно, что Глифер позднее всерьез утверждал, будто клубни разговаривали с ним. Вообще там было много интересного... интересных галлюцинаций. Он до самой смерти считал, что вылечила его любовь – к этой планете и к клубням, которые он ел. Глифер мысленно извинялся перед ними всякий раз, когда поедал очередной. Вслух объяснял им, что не может по-другому. Потом, когда он умер – прожив сто пятьдесят третейских лет, – для него сделали исключение и похоронили там же, на Глифе.

Говоривший окинул взглядом гостей. Они слушали внимательно, но даже из вежливости не пытались казаться заинтересованными. Перед проведением ответственной акции, естественно, нужна была предварительная беседа. Это часть обычной работы, вот они и «работали»... но никто не мог требовать, чтобы они, раскрыв рты, ловили каждую словоформу.

– Теперь политика. Официально планету курирует Миссия Объединения, но фактически там почти два столетия хозяйничали халгане. Их флот находился поблизости от звезды Бенетеш, и они успели очутиться на Глифе прежде, чем остальные разобрались, какое богатство обнаружил Кренч. Климат планеты изменили. Эту операцию халгане назвали «Затемнение», потому что в результате возник постоянный, очень плотный облачный слой. Теперь благодаря Живосети, то есть всепланетной сетке метеопоплавков и орбитальным спутникам погоды, на определенной территории климат наиболее благоприятен для кренча. Там его специально выращивают. Регенерационные свойства культурного кренча в несколько раз лучше, чем у дикорастущего, кроме того, как выяснилось, при потреблении сверх некоторой дозы он способен погрузить сознание в пространство фантазма, то самое, которое, предположительно, открыл ди Ког. Дикий кренч постепенно отмирает из-за смены климата, но культурный – тот, что растет в Парнике, в районе горного массива Стигес, – продолжает плодоносить. Теперь, что вы знаете о кренчиках?

– Половинках? – лениво откликнулся гость-мальт, старший в бригаде тех, кто должен был участвовать в акции на Глифе. – Ну, это какие-то бродяги, которые живут там, чтобы ухаживать за культурным кренчем. И еще есть глифаны – дикие...

Хозяин кивнул.

– На планете живут кренчики, их предков туда завезли халгане. То есть кренчиками принято называть мужских особей, а женских – реншами, хотя сейчас в ходу словоформа «половинки». Это были в основном бродяги из Лошадиной Головы и низшие с планеты Халге. К тому времени уже стало ясно, что эмпатическая чувствительность клубней – одна из причин, по которой растение может либо зачахнуть, либо, наоборот, расцвести. Поэтому халгане, продемонстрировав типичную для них жестокость, подвергли всех переселенцев своеобразному окультуриванию. Даже сейчас мнимооперции, кроме разве что простейшего зомбирования, редко приводят к положительным результатам, ну а тогда... Халгане искусственным путем убили в переселенцах агрессивность. Ничего хорошего не вышло, потому что вместе с агрессивностью исчезло и многое другое.

Система доставки клубней следующая. На орбите Глифа находится халганская станция «Эгибо», она всегда расположена над Парником. Беспилотный челнок опускается с «Эгибо», на него загружают клубни, которые потом складываются в трюме станции. Там все автоматизировано, то есть гуманоидов на станции вообще нет, только механизмы – снабженная конвейерами автоматика приема и распределения. Весь урожай делится на доли и отсылается в федерацию. Систему защиты станции для халган монтировали максвелониты. Таланты последних в электронике известны повсеместно, не так ли? «Эгибо» защищают дроны, обладающие кибернетическим полусознанием, и нет никаких сомнений в том, что любой объ-

ект, излучающий хотя бы минимальный биологический фон и попытавшийся приблизиться к станции, будет уничтожен. Более того, в случае массовой атаки, превышающей их возможности, дроны запрограммированы на самоуничтожение, перед которым должны взорвать станцию. Без проверки пропускаются лишь челнок с урожаем и модули, покидающие «Эгибо», – с тем же самым урожаем, но уже разделенным на доли.

Беспилотный челнок, опускающийся через определенные интервалы и тут же улетающий обратно, – единственное судно, не считая кораблей киборгов-лекарей и специальной боевой фаланги, которому позволено передвигаться в атмосфере Глифа. Радиопереговоры, кроме самой примитивной тропосферной связи, тоже запрещены, потому что на культурный кренч радиоволны плохо влияют. Так что челнок опускается в горах, живущий в Парнике вместе с половинками халганов загружает клубни на электронные весы в трюме, челнок передает сообщение о весе очередного урожая и уходит на орбиту.

Чернокожий хозяин бункера стоял, сложив руки на груди и покачиваясь с носков на пятки и обратно. Гости сидели молча, в помещении стояла тишина, только круля тихо сопела. Ящерицы хозяин слегка опасался – насколько он знал, за четырнадцать лет своей жизни она успела уничтожить не то семнадцать, не то двадцать гуманоидов разных рас. Впрочем, это было ничто в сравнении с третьим гостем. Тот, по сведениям хозяина, был причиной около трех сотен смертей.

Покосившись в сторону убийцы, хозяин продолжал:

– Теперь самое главное. Качество выращенного кренчицами в Парнике культурного кренча, который доставляется челноком на станцию «Эгибо», гораздо выше, чем диких клубней. Его цена достигла уже шестисот тысяч эко за унцию. Количество груза каждый раз примерно известно. Заинтересованные стороны произвели приблизительные расчеты, из которых стало ясно, что на орбитальную станцию кренча попадает больше, чем потом распределяется между ними. Однако контроль на орбите очень плотный, и совершенно ясно, что другими путями клубни не уходят. Значит, автоматика скрытно откладывает некоторую часть клубней, и они остаются на «Эгибо».

С тех пор как халгане потеряли абсолютную власть и на платформе «Плюмаж» появились другие заинтересованные стороны, в том числе представитель Миссии Объединения, челнок курсировал между станцией и Парником множество раз. По предварительным подсчетам, клубней на «Эгибо» должно было скопиться примерно на двадцать миллиардов эко. То есть больше земной тонны «бесхозных» клубней покоятся сейчас в трюмах станции. Некоторые события последних часов позволяют предположить, что в самое ближайшее время халгане предпримут попытку тайно снять груз кренча с «Эгибо». Как они собираются это сделать, пока неизвестно, но к какому нарушению равновесия и последующей катастрофе это может привести, примерно ясно. Сейчас в этот район с Халге вылетел властный хан Виши, и у нас есть сведения, что именно он возглавит тайную операцию по съему отложенных клубней с «Эгибо». Кроме того, судя по всему, халгане сошлись с Конклавом Света. Если Конклав предоставит в их распоряжение своих клонов...

– Тут все ясно, – перебил мальт. – Мы еще не очухались от последней заварухи, никто не хочет повторения... кроме Конклава и халган. Кажется, в лабораториях Алголя проводили эксперименты по выращиванию искусственного кренча? Алголь вложил большие деньги, и сейчас у них наметился успех. Искусственно выведенные клубни не обладают такими свойствами, как культурный кренч, но все же... Я говорю это к тому, что мы, кажется, знаем уже все, что требуется для проведения акции. Основной вопрос, который меня волнует: сколько клиент согласен вложить?

«Мальт, – подумал хозяин бункера, – в своем репертуаре. Его интересует только практическая сторона дела».

– На личный счет каждого из вас через минуту после окончания нашей беседы будет переведено по двести тысяч эко. В зависимости от результата к этой сумме может добавиться еще столько же. Все ресурсы клиента в вашем распоряжении. Вы прекрасно знаете, какими возможностями он обладает. Акцию надо закончить в минимальные сроки, потому что властный хан Виши вскоре прибудет на орбиту и возьмет дело в свои руки. Дзен Заан Ушастый, командующий фалангой «мурен», которые контролируют атмосферу Глифа, о нашей операции ничего не знает, но в случае чего с ним можно будет договориться. Хотя с главою космопола, командором Дакваном, никому никогда договориться ни о чем не удавалось, так что...

– Я и не надеялся на космопол, – вновь перебил мальт. – Объясните конкретную задачу. Мы имеем... практически карантинную планету с шатким, искусственно поддерживаемым климатом. Капризное растение, плохо реагирующее даже на радиопереговоры в атмосфере. Орбитальную базу, набитую сверхдорогими «ничейными» клубнями и готовую либо ответить огнем на поражение, либо взорваться, если ее дроны-охранники ощутят хотя бы намек на то, что кто-то собирается проникнуть внутрь. Боевые полуразумные дроны уже, кстати, запрещены для использования, но это так, к слову. Халгане, командующие глупыми половинками-кренчиками в Парнике. За границей Парника – дикие глифаны... Хорошо, данных уже более чем достаточно. Каков план? Раз уж сразу после беседы вы переведете на наши счета аванс, так давайте быстрее эту беседу заканчивать. Что надо делать?

Хозяин выключил проектор и кинул быстрый взгляд на третьего гостя. Тот сидел неподвижно и вопросов не задавал. Не ясно было, осознает ли он вообще, что происходит.

– Заказчик дает вам полную свободу действий, – сказал хозяин. – Вы вольны выбирать любые средства, можете делать вообще все, что угодно. На подготовку операции отведены сутки. Затем вы должны будете добиться того, чтобы не позже, я повторяю, не позже чем через семь часов...

Семь

Сообщение о катастрофе на «Альте» было принято космополем, патрули которого с недавних пор бесценно дежурили на орбите планеты Глиф. Одновременно его получили и на платформе «Плюмаж», откуда представитель Миссии Объединения гидроник Болий Капп – на панречи его имя означало «Жажду Утоляющий» – немедленно связался с главой космопола, командором Ибером Дакваном. Вообще-то командор находился сейчас в другом конце галактики, но буйки сот транссвязи, висящие в космическом пространстве, позволяли из любой точки федерации Оси связываться практически с любой другой точкой. Узнав, что происходит, Дакван отдал необходимые распоряжения.

«Пираньи» космопола оцепили баржу, вышедшую к тому времени на орбиту Глифа, и задержали три спас-модуля, на которых находились члены экипажа. В течение пятнадцати часов их тщательно обследовали, но следов бактерий-креаторов не обнаружили и пропустили команду на «Плюмаж». Выяснилось, что на борту находился еще подвергнутый мнемореанимации пиччули, а также два лекаря-сопровождающих. Приживала, судя по всему, в суматохе сбежал и покинул баржу раньше команды, но его модуль не засекли. Получалось, что он сумел проникнуть сквозь орбитальную блокаду и опустился на Глиф. Модуль с двумя лекарями на связь не вышел, хотя и на барже теперь никого не осталось. Скорее всего, решили космополовцы, лекари вернулись в пенаты Клубка.

Некоторое время заинтересованные в безопасности планеты стороны спорили, что делать с баржей. Все склонялись к тому, что лучше всего взять дистанционный контроль над двигателями и уничтожить «Альту», направив ее на звезду, но вскоре возле планеты появился корабль с идентификационными метками Клубка лекарей. Оттуда связались с «Плюмажем» и сообщили, что симбиот-змеерак хочет встретиться с гидроником Болием Каппом.

А еще позже патрулирующая глифский Парник фаланга дзена Заана Ушастого наткнулась на стратостат пиратов.

* * *

Стратостат обнаружили случайно. Контрольный облет должен был завершиться уже два часа назад, но патрульные задержались для помощи врачу-киборгу, попавшему в непростую ситуацию.

Поначалу для управления погодой халгане использовали высотные дирижабли из ткани, преобразующей солнечный свет в электроэнергию, но затем купили у занзибежцев Живосеть – технологию разумного климата. Дирижабли были заменены на биологические атмосферные поплавки. Те имели газовые пузыри, генераторы влаги, термоорганы для нагрева и охлаждения окружающего воздуха. Поплавки являлись, по сути, единым существом, псевдосознание которого состояло из разбросанных в атмосфере кластеров. Ментальной законченностью в обычном понимании Живосеть не обладала, вместо этого биотехники халган прошили в нее сложный набор рефлексов и, кроме прочего, инстинкт самосохранения. Ею можно было управлять с одного терминала; впрочем, в метаболизм поплавков еще при создании ввели команду на поддержание определенного климата: сохранение строго заданных погодных параметров являлось одновременно и способом жизнедеятельности, и целью всего их существования.

Органические блины, висящие в верхних слоях атмосферы, сами себя настраивали, но все же иногда требовалось вмешательство извне. Периодически с «Плюмажа» вылетали

врачи-ремонтники, которые приводили поправки в порядок – то есть лечили их и подстраивали систему внутренней корреляции погодной сетки. Это требовалось для поддержания в районе Парника нужного климата, и всем было наплевать, что для других районов планеты вмешательство оборачивалось невиданными здесь ураганами и бурями.

У врача-киборга не имелось встроеного реактивного ранца, он использовал обычную малогабаритную модель. Прицепившись к поплавку, он отстегнулся, зафиксировал ранец при помощи мономолекулярного тросика и занялся калибровкой органического излучателя аэроионов.

Карабин тросика сорвался, и выключенный ранец канул в облачном слое.

А киборг остался на поплавке.

Так бы ему и висеть: ведь у врача не имелось даже аварийного передатчика. Радиопереговоры в атмосфере были запрещены, но по неведомой причине тропосферная связь, при которой использовалось отражение радиоволн тропосферным слоем, меньше влияла на «самочувствие» кренча. В качестве передатчиков для давно всеми забытой радиорелейной связи использовались очень длинные и тонкие пенометаллические мачты, от которых вверх тянулись тросы-антенны, прикрепленные верхним концом к атмосферным буйкам. Так что у патрульных имелись аварийные передатчики – обычно молчащие, но они могли в критический момент выплеснуть в эфир тревожный сигнал вкуче с координатами места, где находится отбившаяся от фаланги «мурена».

Несмотря на все старания Магазина, к киборгам многие все еще относились как к существам второго сорта, и врачей аварийными передатчиками не снабжали.

Но на удачу киборга сидящий в первой «мурене» пилот каким-то чудом углядел фигурку, прилепившуюся к бледно-желтому телу поплавка. Пока «мурены» совершали сложный маневр, пока на борт одной перетаскивали ошалевшего от испуга и радости заиндевеловшего врача, прошло довольно много времени. Из-за этого фаланга задержалась на одном месте дольше обычного, и спустя час сидящий за консолью управления второй «мурены» капитан Заан Ушастый заметил стратостат пиратов.

После того как халган потеснили, а кренч стали делить более справедливо, из всех заинтересованных сторон свою долю не получил лишь Конклав Света. Заан Ушастый помнил, что в последний раз челнок с очередным урожаем достиг орбиты позже, чем положено. Вскоре с «Плюмажа» космополу сообщили, что на Глифе обнаружили пираты, которые, судя по всему, и пытались задержать челнок. Дело было в том, что за два века на планету разными путями успело проникнуть некоторое количество гуманоидов, не прошедших мнемообработку халган. Называли их глифанами. Для халган они всегда были помехой, геноцид против них проводился постоянно – в результате у жителей Глифа, обитающих за границей Парника, теперь не было ни одного постоянного поселения, которое можно было бы с успехом отследить и уничтожить. Сложилась так называемая кочевая культура: небольшие таборы, состоящие из семи-восьми семей, постоянно передвигающиеся по планете. Скорее всего, Конклав Света, стремясь урвать свою долю от урожая кренча, смог договориться с одним из таборов и снабдил его стратостатом, чтобы глифаны попытались ограбить челнок, дистанционно остановив его в атмосфере, состыковавшись и сняв груз клубней.

На фоне перламутровых облаков, прошитых лучами Бенетеша, неподвижно висел вытянутый морщинистый куль с темной цилиндрической кабиной. Расплывчатая тень извивалась по поверхности сплошного облачного слоя далеко внизу. Рядом парил гигантский «спрут», одно его щупальце-переходник почти касалось открытого люка кабины. Космический корабль был раз в десять больше стратостата.

Корабли класса «спрут» намного превосходили своими габаритами и мощностью «мурены», но это были исключительно «штатские» аппараты – транспортные и пассажирские. На них часто оборудовали научные лаборатории, их даже можно было снабдить ору-

жием – но в любом случае конструкция их не предназначалась для быстрых передвижений в атмосфере планет, для стремительных ускорений и маневрирования.

После того как киборг был снят с поплавка, Ушастый на своей «мурене» остался в одиночестве. Он не мог отдавать команды по радио, но, отключив автопилот, проделал несколько воздушных кульбитов. Фаланга давно разработала соответствующую сигнальную систему, так что для его подчиненных движения «мурены» означали приказ о немедленной атаке.

«Спрут» уже всплывал, отцепив терминальное щупальце от стратостата, когда два экипажа открыли огонь из бортовых пулеметов. Часть игольчатых зарядов достигла цели, и «спрут», не успевший включить защиту, взорвался. Огонь накрыл стратостат и мгновенно воспламенил газ, но за секунду до этого цилиндрическая кабина-модуль, отстрелив стропы, начала падать.

«Мурена» Ушастого рванулась следом, мгновенно оставив напарников и горящий космический корабль далеко вверху.

Капитан, как явствовало из его имени, принадлежал к универсалу Заанов с ледовитого побережья планеты Дзен. В Оси за дзенскими универсалами закрепилась репутация школ, воспитывающих лучших бойцов и оперативников, продающих свои таланты тем, кто готов хорошо заплатить. Заан еще со времен Бунта Глифа работал на космопол. Прозвище ему дали после Бунта, из кровавой мясорубки которого он выбрался хотя и в чине капитана, но с начисто отсутствовавшим левым ухом и жалким огрызком, оставшимся от правого.

«Мурена» пронеслась сквозь незримую пелену тропопаузы и в считанные мгновения достигла облачного слоя. Наполненное солнечными лучами голубое пространство исчезло, сменившись серыми красками Глифа. Модуль скрылся в хаосе кучевых облаков, где и выпустил резонансный разрядник, а Заан допустил ошибку, следуя за пиратами строго по вертикали. Направленная волна резонанса предназначалась для мелких целей и не могла принести «мурене» заметного ущерба. Но Ушастый, весь экран обзора перед которым заполняла плотная пелена бушующих ледяных кристаллов и капель влаги, врезался в разрядник.

Взрыв на некоторое время ослепил внешнюю оптику. Когда Заан вновь обрел возможность видеть окружающее – фрагментарно, потому что часть систем так и не заработала, – корабль уже миновал облака и продолжал падать. Кабина стратостата, снабженная, как выяснилось, простейшим реактивным двигателем, снижалась по касательной к поверхности планеты далеко в стороне. Руки Ушастого замелькали над консолью, пробуждая вспомогательные контуры. Приборы донесли, что двигатель горит и противопожарная система не работает. Заан кое-как стабилизировал курс, направив корабль вслед за модулем, и попытался задействовать бортовой пулемет.

В ролике подвижной турели застрял обломок взорвавшегося разрядника: пулемет функционировал, но не мог двигаться. Ушастый позволил автоматике впрыснуть в догорающий двигатель большую часть оставшегося топлива, затем изменил направление полета так, чтобы нос «мурены» обратился в сторону пиратов. У «мурены» все-таки отличные летные качества, а цилиндрическая кабина – штука громоздкая, так что расстояние между ними постепенно уменьшалось.

Тонкие зеленые линии координатной сетки и карта полушария на экране слева от дзена уже безмолвно сообщили ему, куда стремятся пираты.

Они понимали, что, даже если удастся уйти от «мурены», их все равно найдут и уничтожат после того, как об инциденте узнают на «Плюмаже». И потому пираты направили модуль к единственной ценности планеты – к горам Стигес и Парнику.

Ушастый нахмурился. Именно ради сохранности Парника он и его подчиненные уже несколько третейских лет совершали ежедневные рейды в атмосфере Глифа. Заан локтем выдавил защитный колпак и дернул короткий рычаг, открывая боковой аварийный люк.

В кабину ударил ветер, но шлем защитил глаза. Дзен, схватившись за края люка, до пояса высунулся наружу. Пулемет был рядом, виднелись сглаженные очертания стойки и рваный кусок металла, торчащий из роликов турели. Ноги оставались в кабине; дзен распластался по обшивке, понимая, что воздушный поток в любое мгновение может сдуть его, протащить вдоль борта и бросить прямо в огненные объятия реактивных струй, вырывающихся из дюз. Дотянувшись до турели, он кулаком ударил по металлическому обломку. Ничего не произошло; в этот миг пронзительный сигнал донесся до него сквозь распахнутый аварийный люк.

Сжав зубы, Ушастый выпрямился, с трудом преодолевая сопротивление смерча, что закручивался вокруг «мурены», нагнулся и обрушил на металл оба кулака. Одна перчатка порвалась, когда в нее впился зазубренный край, но обломок вылетел из-под ролика, ударил дзена в плечо и исчез. Заан втянул тело в кабину, упав в кресло, глянул на консоль. Содрав перчатку с руки, протянул ее к оружейному пульту.

Мелькающие цифры показывали примерное время до взрыва двигателя. Проснувшийся процессор пулемета, определив, что препятствие исчезло, переместил ствол. В электронном прицеле перекрестье совпало с символом движущегося далеко впереди объекта. Ушастый пристегивался торчащими из подлокотников и спинки ремнями, потому процессор оружия самостоятельно дал сигнал, и пулемет открыл огонь.

Когда последняя скоба страховочных ремней вошла в паз, в крыше кабины разошлись сегменты и кресло катапультировалось. Мир стремительно завращался, в поле зрения промелькнул обтекаемый корпус «мурены», от которой к горизонту тянулись светящиеся черточки игольчатых зарядов. Свинцовый панцирь облачного слоя, серая поверхность планеты... Потом кресло включило стабилизационно-тормозную систему, и вращение прекратилось.

Над головой распахнулся купол парашюта; Заан повис между небом и землей. Далеко впереди пулемет продолжал стрелять, пока «мурена» не взорвалась.

Кресло опускалось медленно, чуть покачиваясь. Ушастый полусидел-полулежал, потирая раненое плечо. Механический паук-лекарь, до того спящий в специальном кармане его брони, активировался и пополз к плечу, чтобы оценить нанесенный плоти ущерб и вспрыснуть лекарства.

Огонь исчез, а дым – все, что осталось от «мурены», – ветер медленно относил в сторону гор у горизонта.

Там виднелось тусклое световое пятно. Оставляя за собой размытую молочную полосу инверсионного следа, модуль пиратов, поврежденный, но до конца не уничтоженный, по пологой дуге падал в сторону этого пятна.

– Парник... – пробормотал Ушастый, поморщившись, когда паук вколол болеутоляющее. – Принимай гостей.

Три десятка живших в Парнике половинок являлись прапраправнуками первой группы, завезенной на планету халганами. В плане развития они окончательно отстали от федератов. Их общественный строй был подобен древнему общинному, о настоящей космологии Вселенной они не знали ничего. Для них была специально создана примитивная псевдорелигия: кренчики – избранный народ, в противоположность диким глифам, обитающим за Вечной Стеной. Еще есть Властные – боги, живущие на небе, поля с золотым кренчем, куда каждый послушный кренчик-избранный попадает после смерти... Избранные должны любить – друг друга и всех без разбору, даже диких, но особенно они должны любить кренч, который для чего-то требуется Властным. Вся их жизнь и срок смерти были строго регламентированы, за всем следил Мастер-жрец, на самом деле – халганин, переправляющий каждый вновь собранный кренчиками урожай на орбиту.

Раньше дикие глифаны никогда не приближались к Парнику, потому что почти сразу после того, как наступило Затемнение, халгане провели беспрецедентную в своем роде акцию. С орбиты на планету запустили несколько тысяч миниатюрных зондов. Некоторые зонды угодили в места, где никто не жил, но другие замерли над кочевыми таборами глифанов.

Низкорослые аборигены слышали, как хорошо поставленный звучный голос торжественно и холодно оповестил, что если кто-то попытается проникнуть в горы Стигес, то будет уничтожен. Властительная Халге, сказал голос из маленьких блестящих шариков, терпит таборы, пока их не видно. Но стоит им пересечь границу – и в течение одного сезона все кочевники планеты погибнут в мучениях. Глифаны осыпали шариками бранью на искаженной панречи, стали бросать в них палки и комья влажной земли... А зонды взорвались – все вместе, одновременно.

Ученые халган долго выводили газ, который был бы опасен для глифан и безвреден для сверхчувствительного кренчика. Часть белкового яда бесследно рассеялась в атмосфере, но другая опустилась на таборы. Прионная взвесь проникала в нервные ткани, белки атаковали нейроны, изменяя их и превращая в свою копию, что приводило к ускоренному старению и гибели мозга.

Подобные акции повторялись шесть раз с промежутком в пятнадцать глифанских циклов. Халгане могли бы и продолжать, но, во-первых, это дорого обходилось, во-вторых, Ибер Дакван, став главой космопола, пообещал лиге солнцепоклонников, которая правила планетой Халге, что лично направит крейсер-«качатку» на эту планету, – и неизвестно, сможет ли орбитальная оборона противостоять мощи корабля класса «планетарный разрушитель». Однако халгане добились своего. За четыре поколения, каждое из которых несколько раз подвергалось прионной атаке, убивающей треть населения, у остатков кочевого народа выработался стойкий условный рефлекс. Кроме того, вокруг Парника установили излучатели. Они окружили поселение кренчиков стеной репрессивного поля.

Глифаны никогда не приближались к Парнику – но для пиратов он был единственной возможностью спастись.

Когда инверсионный след падающего модуля уже почти растворился в атмосфере, внимание Заана привлек какой-то предмет, ворвавшийся сквозь облака в серый мир Глифа. Оставляя за собой шлейф дыма, этот предмет упал примерно на половине расстояния между катапультировавшимся креслом и горным массивом Стигес. По некоторым признакам дзен определил, что стал свидетелем аварийной посадки спасательного модуля. Гораздо позже он узнал, что модуль нес в себе последнего пиччули федерации Оси.

* * *

Общественная орбитальная платформа «Плюмаж» состояла из базового корпуса – Шлема – и трех отходящих от него стержней-коридоров – Перьев. На каждом из Перьев располагались наружные взлетно-посадочные площадки в форме плоских овалов. Стержни назывались Центральным, Первым боковым и Вторым боковым. Базовый корпус сконструировали в форме широкого конуса, который сужался там, где от него отходили стержни. Тому, кто был знаком с историей Земли, конструкция действительно могла напомнить увенчанный перьями шлем.

Председатель Миссии Объединения, гидроник Болий Капп с водной планеты Гидроника как всегда вне родного мира обитал в емкости, которую наполняла насыщенная минеральными солями и планктонной массой вода. Емкость, удерживаемая генератором гравитации, висела над полом. Гидроник выставил наружу голову, его короткие ласты опирались на

край емкости. Перед ним стоял Виши, властный хан домена Хелицеров, коренной халганин. Он говорил – громко и возбужденно, – но мысли гидроника витали далеко от словоформ халганского хана.

Нации и расы – вот о чем размышлял Болий Капп. Гидроники не делились на нации. На их планете, состоящей из гигантского океана, небольших атоллов и лишь одного крупного острова в районе полюса, аборигены принадлежали к какой-нибудь одной из множества водных обитателей, и это являлось единственным различием между ними.

В свою очередь, акрулосы-птицоиды имели гнезда, сульканцы – стаи, симбиоты змеераки – клубки, но все это было разделением по профессиональным и сословным принципам. На нации себя не делил никто, нации – изобретение землян. Когда Болий Капп занялся изучением истории Земли, то с некоторым удивлением обнаружил, что по национальным признакам земляне разделялись еще до выхода в пангалактику, и основную роль в этом почему-то играли не генные различия, которые варьировались не слишком значительно, но внешние признаки: пигментация кожи, форма зрительных органов и даже цвет волосяного покрова. После первого и второго Роев эмиграции национальное деление на самой Земле постепенно сошло на нет. Образовалась единая раса гуманоидов-людей, в которую входили нации землян и потомков тех, кто окончательно осел на других планетах. Их физиология несколько изменилась из-за иной среды обитания. Были мальты, низкорослые, ширококостные – тяготение их планеты почти в два раза превышало земное. Были гуманоиды с Дзена – эти, наоборот, отличались высоким ростом и худобой. Жители Максвелла... особые шишковидные отростки на их головах служили естественным приемником радиоволн; максвелониты давно зарекомендовали себя как лучшие в Оси изобретатели-конструкторы. А еще либерийские культуры Эко, Алголь, Сканца. Наконец, халгане...

Те же мальты, внешне суровые и бескомпромиссные, или дзены, давно занявшиеся возвращением наемников для всей Оси, разве способны были они на протяжении почти двух столетий уничтожать глифанов? Или осуществить беспрецедентную в своей холодной жестокости мнимообработку, а потом насильно поддерживать в группе кренчиков инфантильную недоразвитость, почти слабоумие? А халганские рудники с их стопроцентной смертностью? А умерщвление тех детей глифанов, которых кочевники попытались в свое время отправить с планеты на барже, той самой, что сейчас подверглась атаке бактерий-креаторов?

– ...Карантин... – донеслось до гидроника, и он вернулся к происходящему.

Хан Виши, будучи официальным декларантом на «Плюмаже», привычно использовал суконный язык дипломатических протоколов Хелицеров, главенствующего домена Властительной Халге.

– Во времена, когда властные ханы повелевали здесь мобильными отрядами, ни о какой эмигрантской барже, подвергшейся заражению креаторами, не могло быть и речи... – говорил халганин. – Даже если бы подобное произошло, такой объект мы бы немедленно уничтожили...

– На сохранности баржи настаивает уполномоченный Клубка, – указал Болий Капп. – Он вскоре прибует сюда.

– Вы позволяете змееракам руководить вами! – обвинил Виши. Его лицо, покрытое толстым слоем светоотталкивающего лака, с подведенными синей тушью глазами, напоминало маску. Руки от плеч до запястий прятались в широких узорчатых рукавах светло-желтого церемониального халата, а ниже запястий их скрывали тонкие, но очень прочные полимерные перчатки. Короткие толстые пальцы нервно перебирали крупные четки. Все это – и халат, и узоры на халате, и четки, и лак на ланолиновой основе – было частью церемоний и ритуалов, из которых состояла жизнь властных ханов Халге, управляемая церемониалами доменов.

– Это я попросил доставить сюда пиччули. Хотел увидеть последнего приживалу Оси, – откликнулся гидроник. – А заодно, раз уж к лекарям попала проба креаторов, изучить бактерии и...

– Пиччули! – перебил халганский декларант. – Еще и потерявший имя! Какая теперь от него может быть польза? Последний представитель паразитической расы, прославившейся тем, что именно из нее вышли все отбросы Оси! Разве могло во времена главенства на Глифе Властительной Халге произойти такое – чтобы презренный приживала, убийца, вор и насильник опустился на поверхность планеты? Что будет, если он достигнет Парника? – Рука с четками поднялась, рукав сполз, обнажая запястье, точки от уколов нейростимуляторов и полоску фатального браслета. Своей нежно-розовой плотью тот напоминал свернувшееся в кольцо живое, но вряд ли разумное существо. Утопленный в фат-браслет световой датчик, похожий на бессмысленный равнодушный глаз, еле заметно мерцал.

– Что будет, если приживала достигнет Парника? – продолжал Виши, потрясая четками. – Эта извращенная, злобная личность, набравшаяся дурных наклонностей от своих предыдущих доминант? Смертельно опасная для невинных половинок, как она повлияет на них?!

– Оно, – поправил гидроник. – В этой фазе пол приживал еще не определен. И если оно их растормошит... Как я понимаю, память пиччули полностью стерта. Возможно, именно в этих обстоятельствах эксперимент Клубка и станет успешным? В окружении «невинных половинок» приживала может переродиться как личность, найдя себе подходящую доминанту. Что у вас? – Болий Капп повернулся в сторону подошедшего к ним землянина, из подразделения мониторов-связистов, которые с недавних пор постоянно дежурили на «Плюмаже».

– Не переродится, – сказал тот.

– Что?.. – властный хан с презрением воззрится на сорвиголову.

Посмотрел и гидроник, хотя во взгляде его прозрачно-зеленых глаз презрения не было – всего лишь вежливое внимание.

– Не переродится, – повторил космополовец сухо. Он с виду был совсем молод, но смотрел на халганина и гидроника безо всякого уважения, с холодным безразличием. – Ему не дадут. Жажду Утоляющий, только что пришло сообщение от патрульной фаланги. Они атаковали неизвестный «спрут», который состыковался со стратостатом, принадлежащим, по некоторым данным, пиратам-глифанам. «Спрут» взорван, стратостат тоже, но от него успела отделиться модульная кабина. Капитан Заан в одиночку преследовал ее на «мурене», сенсоры остальных засекли взрыв и пиковую резонансную волну в облачном слое. Потом смогли отследить два объекта, которые летели в район Парника. Один – судя по изотропной метке, это была «мурена» – взорвался. Хотя Заан катапультировался. Другой объект, видимо кабина-модуль, также опустился... В районе Парника.

Шелест заставил гидроника обернуться. Властный хан домена Хелицеров стремительно удалялся по коридору, полы его халата развевались.

– И еще, – добавил монитор, – в сопровождении трех «акул» прибыл уполномоченный Клубка лекарей. Он ждет вас.

Когда емкость вплыла в занимаемую Болием Каппом жилую секцию, уполномоченный Клубка лекарей уже поджидал там, неподвижно возвышаясь возле стены. Одежду змеерак не носил, только широкий многофункциональный ремень.

Ротовые жвала рака разошлись, снаружи показалась лоснящаяся плоская голова. Змеи привыкли жить в разряженной атмосфере, которую обеспечивала физиология их симбиотов, и предпочитали без крайней необходимости не покидать ее. Говорить – в пангалактическом

понимании – они не могли, так что симбиот, показавшись гидронику и отдав таким образом дань вежливости, скрылся.

Жвала рака сомкнулись, он чуть качнул изогнутой хитиновой конечностью и вновь замер. Повинуясь ментальному сигналу, гигантское ракообразное зашипело, забулькало, и прикрепленный к ремню ретранслятор произнес:

– Это во многом все еще территория халган, и Клубок предпочитает использовать здесь узаконенную терминологию. Правом Клубка присутствующая пара задекларирована на орбите Глифа. Присутствующая пара является... декларантом Клубка лекарей... это правильно сформулировано, личность-гидроник?

– То есть присутствующая пара-декларант имеет право выступать от имени лекарей. Кажется, именно такими прерогативами обладает декларант, как это понимают халгане, – уточнил Болий Капп.

В прямом общении со змеераками всегда присутствовала некая условность. Местомимений они почти не употребляли, а имена собственные – редко и только с определенными дополнениями. Кроме того, они не воспринимали себя как отдельных личностей, лишь в паре со своим раком – хотя те являлись замкнутыми малоразумными особями, – и резко отрицательно относились ко всяким попыткам обращаться к ним как к самостоятельным, «единичным» персонам. К этой их особенности все относились снисходительно, потому что змеи были лучшими в Оси, не имеющими соперников докторами. Их не хватало, и примерно два десятка лет назад Клубок решил включить в свои ряды тех гуманоидов, которые получили соответствующее образование, прошли медицинскую практику у симбиотов и дали Клятву. Произнесение определенного набора звуков и сложное упражнение, чем-то напоминающее движения из старинной земной школы хатха-йоги, означало, что гуманоид становится полноправным членом Клубка. Хотя некоторых из «новобранцев» Клятва ввергала в продолжительное коматозное состояние, чаще всего заканчивающееся смертью. Змеераки объясняли, что такие претенденты оказались *нечистьтомыслами* – по мнению же других федератов, клятва являлась психосоматическим тестом, процедурой, отсеивающей скрытых шпионов Конклава Света, корыстных или просто не лояльных к Клубку.

– Две одиночные личности были включены в Клубок, – заявил голос из ретранслятора. – Они сопровождали пиччули... стертую не-личность... на «Плюмаж» к присутствующей личности-гидронику. Произошла утечка креаторов глетт-класса. Личность-мальт и личность-круля вернулись в пенаты Клубка. Где не-личность пиччули?

– Приживалу не нашли, – сказал гидроник.

В разговоре наступила пауза. Рак застыл как изваяние. Что делал змей с непроизносимым именем внутри своей «легочной пазухи» – пространства между двумя мембранами, где обычно располагались симбиоты, – оставалось неизвестным.

– Возможно ли это? – наконец произнес ретранслятор.

Болий Капп качнул из стороны в сторону плоским хвостом, вдумываясь в скрытый смысл сказанного змеераком.

На Гидронике имелось кое-что ценное. В ее огромных, достигающих невероятной глубины океанах под чудовищным давлением жили диковинные моллюски с хрупкими, изящными раковинами. Не было точно известно, разумны ли они. Моллюски мигрировали, неизвестным способом передвигаясь по дну океанов, обменивались сигналами, а иногда из своих раковин создавали что-то вроде конусовидных городов со сложной архитектурой. И еще они производили светящиеся жемчужины, обладавшие в Оси фантастической ценностью. Лишенный жемчужины моллюск быстро погибал, ну а гидроники заботились о своей гидросфере и добывали жемчуг лишь из тех моллюсков, которых прибой выбрасывал на атоллы, – все равно они должны были сгнить.

Незаконная добыча светящегося жемчуга считалась занятием прибыльным, но смертельно опасным. И не потому, что на орбите имелась сильная техническая оборона, – оборона как раз была слабой. Но гидроникам удавалось отлавливать мародеров еще в атмосфере... Потому что они *слушали* свою атмосферу.

Их способность оставалась загадкой для всех других рас, но не для симбиотов. Змеераки и гидроники считались двумя самыми старыми и мудрыми расами пангалактики – поэтому симбиоты знали этот секрет.

И, так же как и гидроники, они обладали способностью к ментальной диффузии. Основная причина, по которой Болий Капп поселился на «Плюмаже», заключалась в том, что он лучше всех – орбитальной защиты, фаланги космопола под командованием Заана Ушастого и любой автоматике – контролировал поверхность и атмосферу Глифа.

– Присутствующая личность-гидроник *не слышит* пиччули, – сказал Болий Капп. – Присутствующей паре должно быть ясно...

– Поправка! – донеслось из ретранслятора. – Необходимое обращение: «присутствующая пара-декларант». Точный смысл всегда крайне важен. Присутствующая личность-гидроник принимает определение «пара-декларант»?

– Конечно, – согласился гидроник.

– Присутствующая пара-декларант просит продолжать коммуницировать.

– Так вот, сознания... – он замялся, пытаясь адаптировать свою речь под восприятие змеерака. – То есть личности гуманоидов не всегда определимы. Более развитые личности, к примеру, космополовцев – более заметны. Геноцид халган привел к тому, что личности глифанов развиты хуже, и присутствующая личность-гидроник различает их слабее. Личности кренчиков – совсем просты. Присутствующая личность-гидроник почти не различает их. А стертая не-личность приживалы расплывается на общем фоне планеты, который крайне высок из-за биологического излучения клубней. Его просто невозможно распознать. Только если он покинет фазу одиночного эго, сознание стертой не-личности обретет форму. Две «пираньи» находятся в боевой готовности. Если до того, как пиччули попадет в район Парника, ему *дадут имя*, я немедленно обнаружу его и сообщу примерные координаты месторасположения приживалы. Его подберут и доставят к паре-декларанту. Но если это случится в Парнике, будет поздно. Впрочем, возникает сомнение, что стертая не-личность приживалы сможет преодолеть репрессивное поле...

Вновь наступила пауза. Круглые серебристые глаза рака, похожие на два стальных шарика, бездумно пялились перед собой.

– Объяснение принимается, – сказал голос из ретранслятора. – Возвращение стертой не-личности не является принципиальным. Но стертая не-личность действительно сейчас на Глифе?

«Для него неважно возвращение приживалы?» – с некоторым удивлением подумал гидроник. Вслух он сказал:

– Скорее всего, стертая не-личность сейчас уже на планете. Но всех личностей, присутствующих на «Плюмаже», больше волнует проблема креаторов и возможной эпидемии.

Они помолчали.

– Клубок врачей возлагает на себя ответственность за начавшийся кризис, – поведал ретранслятор. – Присутствующая пара-декларант переместилась в эту точку, чтобы Правом Клубка решить проблему креаторов. Три «акулы» уже окружили баржу. Личности-гидронику предлагается повелеть, чтобы блокаду космопола сняли. На одной из «акул» Клубка установлена вирусная катапульта. Искусственные вирусы созданы по нашей последней нанотехнологии, с большой вероятностью они уничтожат штамм. После этого еще трое суток «акулы» Клубка будут поддерживать карантин. Бактерии с минимальной долей вероятности могут выжить. Потом, когда будет установлено, что креаторы погибли, свободный

доступ на баржу восстановится. Однако Клубок полагает, что объект, определяемый словоформой «Альта», теперь не имеет ценности?

– Лишь историческую, – подтвердил гидроник. – На ней когда-то глифаны пытались спасти своих детей от ищеек халган, вывезти их с планеты. Скорее всего, это и так был ее последний рейс...

– В таком случае, хотя Клубок и не использует здесь свое Право, он рекомендует направить баржу на ближайшую звезду. Пара-декларант останется на «Плюмаже» в ожидании дальнейших событий. Личность-гидроник и пара-декларант еще встретятся в роли обоюдных коммуникантов...

Закончив беседу этим не то вопросом, не то утверждением, симбиот развернулся и покинул помещение. Некоторое время после его ухода гидроник размышлял, что в том варианте панречи, который использовали змеераки, произошло как минимум одно изменение. Раньше они не употребляли словоформу «Клубок лекарей». Вместо этого звучало обычно что-то несуразное вроде «коммуникативная общность пар, объединенных процессом по накоплению познания и облегчению существования одиночных личностей» или нечто похожее. Клубок по мере своих сил пытался подстроиться под окружающий мир. «Все дело в том, – думал Болий Капп, – что на своей планете змеераки обитают в огромных живых городах. Рак, который только что удалился, является чем-то вроде малогабаритного органического модуля, мини-подобием настоящего Города, специально выращенным почками одного из них. Клубок – семья змей, живущая во внутренностях исполинского Города, – пребывает в таком тесном взаимодействии, что вообще не использует ни одну из известных в пангалактике коммуникативных систем».

От этих мыслей Болия Каппа отвлек сигнал, донесшийся с консоли на стене его секции. Гидроник дистанционно включил экран связи и увидел лицо землянина, того самого молодого космополовца-монитора, который чуть раньше сообщил о прибытии симбиота.

– Знаю, – сказал Болий Капп, не давая монитору открыть рот. – «Акулы» Клубка заняли позиции вокруг баржи.

– И они что-то готовят, – добавил монитор.

– Снимайте свою блокаду и уходите оттуда, – велел гидроник.

– Жажду Утоляющий, вы представитель Миссии Объединения на орбите Глифа, но у нас своя субординация, мы подчиняемся напрямую...

Болий Капп перебил:

– Это не приказ. Это совет. Лекари собираются забросить на баржу свои вирусы-агрессоры. И они никого не станут дожидаться. Снимайте блокаду и возвращайтесь на платформу, если не хотите, чтобы молекулярные машины змеераков поселились в ваших телах. Свяжитесь с командором Дакваном и передайте, что я посоветовал сделать это. В конце концов, пусть он сам свяжется со мной...

Пока в жилом отсеке Болий Капп вел переговоры с симбиотом-лекарем, хан Виши сел в вагон магнитной дороги. По пути, тянувшемуся вдоль окружности Шлема, он достиг той части базового корпуса, от которой расходились Перья – три коридора-стержня, ведущие к наружным взлетно-посадочным площадкам. До того как Властительная Халге потеряла абсолютный контроль над Глифом, Виши прожил на платформе долгое время и хорошо знал «Плюмаж».

Вагон, следуя изгибам магнитной подвески, неторопливо приближался к конечной остановке. Хан разглядывал проплывающие за круглым окном металлические стены периметра, гуманоидов, идущих по своим делам, и дежурных, попарно патрулирующих коридоры на реактивных одноколесных моноциклах.

На конечной станции он сошел и зашагал в сторону пункта общественного питания, предназначенного для наций земного корня. В этот час третейских суток пункт был почти пуст, лишь за дальним столом молча обедали два мальта. Хан быстро, скрывая отвращение, съел порцию синтетической пищи и прошел в дальний угол помещения, к кабинке внутренней связи. На каждой более или менее крупной космической станции, базе или платформе имелась своя информационная паутина. Через нее передавались общие объявления и осуществлялась связь между находящимися в разных местах гуманоидами. В кабине имелись стандартное коммуникационное гнездо и экран с универсальной клавиатурой.

Вставив усики своего чойзена в пазы гнезда, Виши отправил сообщение. Набор кодовых позывных, заархивированный в точечный сигнал, стремительно пронесся сквозь многовекторную электронную амебу – информационную паутину платформы «Плюмаж», – достиг механического адресата, вспыхнул микроскопической сверхновой и исчез, уничтожив самого себя. Электронные макрофаги, предназначенные для очистки паутины от мусора и вирусов, этого не заметили. Зато в одном из вспомогательных регистров из ниоткуда возник новый подключ. Цепочка внештатных сигналов была настолько коротка, что макрофаги не заметили и ее, но в результате пластиковая панель под экраном в стене информационной кабины отодвинулась, открывая узкое отверстие, освещенное лишь светом, падающим из кабины. Через четыре секунды, когда подключ самоуничтожился и цепочка оборвалась, панель бесшумно вернулась на место. К тому моменту властного хана Виши в кабине уже не было.

Какое-то время он полз в полной темноте, потом впереди замерцал тусклый свет. Там диаметр трубы уменьшался; Виши, путаясь в полах халата, согнулся, цепляясь головой за шершавую поверхность. К выходу он добирался на животе и задом наперед. Это было мерзко и унижительно, ханы не должны заниматься подобным – на то есть низшие; он, властный крупнейшего домена Халге, ползает здесь как презренный дзен или мальт!

Случайно правая щека коснулась внутренней поверхности трубы. Давно въевшийся в плоть и кровь рефлекс заставил хана с внезапным уколом ужаса отдернуть голову.

Он достиг конца трубы и спрыгнул, на мгновение зависнув в точке, где изменялись векторы гравитации. Желудок скрутило, когда верхняя часть тела еще оставалась там, где действовала постоянная Шлема, а нижняя уже достигла области, где была включена искусственная гравитация «Перьев».

Мелькнула мысль: говорят, часто переходить из одного гравитационного поля в другое вредно, расшатывается вестибулярный аппарат, нарушается координация, и пока что даже лекари-симбиоты ничего не могут поделать с этим. В следующую секунду он мягко опустился на узкую решетку – с сюрреалистическим ощущением, что раньше ходил по стене.

В базовом корпусе-Шлеме гравитационные вектора направлены радиально, от условного центра конуса к внешней кольцевой поверхности, а в Перьях – продольно, в сторону взлетно-посадочных площадок. Теперь Шлем располагался «вверху», тысячетонной громадой зависнув над головой хана. Центральный стержень, в верхней точке которого он стоял, тянулся «вниз» на полторы мили. Под ногами сквозь ячейки решетчатого пола виднелся круглый колодец, заполненный переплетениями кабелей и световодов, трубками атмосферной системы, проводами и пенометаллическими распорками.

Каждый стержень состоял из двух труб, вложенных одна в другую. Между внутренней поверхностью более широкой трубы и наружной поверхностью более узкой в наполненной атмосферой полости тянулись винтовые лестницы и автоматические подъемники для грузов и гуманоидов, попадающих сквозь шлюзы со взлетно-посадочных площадок. А все пространство более узкой трубы отдали под коммуникации и технические системы, сделав его нежилым. По переплетению кабелей, похожему на узловатый маслянисто-черный ствол гигантского дерева, вдоль которого тянулись ковши элеватора-подъемника, ползали лишь

автономные пауки-ремонтники – они следили за исправностью изоляции и поддерживали в норме другие параметры. Все это освещали люминофорные трубки.

Властный хан разглядел шесть фигур в фиолетовых комбинезонах. Пятеро клонов-спичи сидели на корточках под круглой стеной внутреннего колодца. Низший халганин стоял возле них. Рядом возвышался куб электронагревателя с широким раструбом термальной тарелки. Над фигурами потолок изгибался – полость имела форму колокола. В верхней его точке находилось вентиляционное отверстие, а ниже медленно вращались широкие лопасти вентилятора. Воздух дрожал от тяжелого мерного гудения.

Когда хан приблизился, низший халганин по имени Элеандр опустился на колени и склонил голову, как предписывал церемониал Хелицеров. Спичи никак не отреагировали, они вообще не шевелились и, казалось, даже не дышали. На шее каждого виднелась тонкая полоска ошейника, от внутренней стороны которого сквозь кожу, слизистую и гортань тянулся волосковый рецептор. Он заканчивался в подкорковой части мозга.

Элеандр негромко хлопнул ладонями по своей груди, начал поднимать голову, и тут хан ощутил легкий зуд на коже лица. Он сунул руку в изящную сумочку на груди, выхватил овальное зеркальце, поднес к глазам.

На правой щеке, в том месте, где пенометалл трубы соскреб светоотражающий лак, белело пятно. Хорошо, что здесь очень слабое люминесцентное освещение, иначе последствия могли бы оказаться ужасными... Проклиная себя за то, что перед выходом из жилой секции гидроника не нанес дополнительный слой лака, Виши достал плоскую перламутровую коробочку и открыл ее. Пальцем в перчатке провел по густой полупрозрачной субстанции, затем, действуя очень тщательно, нанес новый слой лака на лицо. Специальной кисточкой подновил синюю эмульсию на веках. Зуд на правой щеке превратился в легкое жжение, но ничего более страшного не случилось.

Все это время Элеандр стоял в той же позе, опустив голову. Хан, закончив процедуру, посмотрел на него. Испугавшись, он упустил из виду низшего. Если тот осмелился хоть краем глаза взглянуть... Стоило немедленно *очистить* его, но замены сейчас не было. Виши успокоил себя мыслью, что подвергнет Элеандра Последнему очищению, когда после окончания акции они вернутся в домены Властительной Халге. Старший звена еще пожалеет, что не подвергся обычному быстрому очищению на месте!

– Этзи зклашг норгх-гаре... – произнес хан на языке Халге. – Згрешг.

«Этзи» означало «тебя». Интонация, с которой были произнесены эти слова, подразумевала, что хан отказался от смертной формулы. Одновременно фат-браслет на запястье Виши чуть сжался и вновь расслабился. Низший вскочил, но не выпрямился, продолжая глядеть себе под ноги.

– Посмотри на меня, – приказал хан.

Он с удовлетворением заметил в глазах Элеандра испуг. Тот не принадлежал к властным, не боялся света, и потому его кожу не покрывал защитный лак, а на руках не было специальных перчаток. По лбу стекала крупная капля пота, густо-белая из-за недостатка рибофлавина в организме халган.

– Что у вас? – спросил хан мягко. Незачем намекать, какого рода судьба ожидает Элеандра в случае удачного завершения акции и возвращения в домены.

– Пять спичи – это и много и мало, властный, – произнес Элеандр, вновь опуская глаза. – Нам нужно еще...

– Как минимум в два раз больше, – закончил Виши. – Адепты Конклава запрашивают непомерную цену за каждого клона даже с нас, своих союзников в этой операции. Сумма уже уплачена, но доставка клонов на платформу тоже является проблемой. Мы можем провозить их единственным путем. В связи с усугублением кризиса ожидается прибытие новых гуманоидов от космопола и администрации Объединенной Земли. Лига беспощадной тор-

говли и купцы наверняка тоже пришлют своих наблюдателей. Значит, увеличится количество потребляемой пищи. На «Плюмаже» протеиновые фермы устаревшей конструкции, они не справятся, и транспорты станут курсировать чаще. В ближайшие сутки мы рассчитываем доставить всех спичи. Двенадцать должно хватить для акции на платформе. Однако, по нашим сведениям, «касатка» командора Даквана может в ближайшее время выйти на орбиту Глифа. Мы делаем все возможное, чтобы задержать командора. Но недавно стало известно, что модуль пиратов-глифанов мог попасть в Парник. Это вызовет много шума и привлечет дополнительное внимание космопола и Даквана. Если командор все же появится на орбите, акция на «Плюмаже» может провалиться. Второй насущной проблемой является переправка в домены Властительной Халге груза клубней, который спрятан в трюме «Эгибо». Этим займется другая группа.

Тот дежурный, который сообщил Болию Каппу о появлении симбиота, а затем связывался с ним из «пираньи», что конвоировала подвергнувшуюся атаке креаторов баржу, являлся штатным сотрудником космопола. Командор Дакван отправил его на орбиту Глифа после того, как обстановка там ухудшилась.

При правильных, идеальных для молодого мужчины-землянина чертах лица он имел удивительно непримечательную манекенную внешность. Волосы, смолисто-черные и короткие, были настолько густы и так ровно подстрижены, что напоминали отлитую из черного пластика форму.

Его звали Динас Форте. Неожиданно он оказался не у дел, потому что группе мониторов, в которую он официально входил, некого и не с кем стало связывать. Блокаду баржи взяли на себя «акулы» врачей-симбиотов, все остальные, чтобы случайно не подвергнуться атаке агрессивных наноассемблеров врачей, спешно отступили на «Плюмаж». А там каждый мог запросто связаться с кем угодно через местную паутину, и помощь мониторов пока что никому не требовалась.

Динас, получивший увольнительную до дальнейших распоряжений, отправился шататься по платформе, благо форма и идентификационная карта штатного сотрудника космопола давали ему пропуск практически в любую точку «Плюмажа».

Амбиции и жажда карьерного роста являлись основной побудительной причиной большинства его поступков – состояние вынужденного безделья угнетало Динаса. Он пешком добрал до «Перьев», пережил краткий миг изменения гравитационного вектора и понаблюдал через экраны диспетчерской рубки Второго бокового стержня, как на посадочные площадки опускаются два транспортных «кашалота» Унии купцов, имеющей постоянный подряд на доставку съестного на «Плюмаж». «Кашалоты» торопились, так как в последнее время пункты питания платформы работали сверхурочно, протеиновые фермы не справлялись с нагрузкой и в морозильных камерах остался лишь минимальный запас пищи. Динас поболтал со знакомыми таможенниками, как раз отправлявшимися на досмотр «кашалотов», и покинул стержень.

И наткнулся на халганского хана со странным именем Виши.

Он бы тут же позабыл о хане, но его насторожила одна мелочь. На щеке властного виднелось едва заметное пятно, чуть более светлое, чем остальной слой защитного лака, коркой покрывший лицо. Обычный гуманоид-землянин вряд ли обратил бы внимание на подобную мелочь. Но Динас не был обычным гуманоидом-землянином. По долгу службы он изучал особенности физиологии халган, их жесточайшие социальные отношения, которые вот уже пять столетий регламентировали существование доменов Властительной Халге. Он знал про ритуал очищения – оба его варианта, для низших и для властных халган, – и потому пятно недавно нанесенного лака повергло его в изумление. Вначале он даже при-

остановился, пялясь на хана, который так спешил, что не заметил этого взгляда и нырнул в распахнутые дверцы вагона.

Динас Форте не мог сказать, что он по каким-то причинам не любит халган или любит гидроников, что, к примеру, тех же землян он предпочитает адептам Конклава Света, которых большинство других обитателей пангалактики называли не иначе как фанатиками-сектантами. Он не мог даже с уверенностью утверждать, что предпочитает добро злу или справедливость несправедливости. Из всего сущего в этой Вселенной он предпочитал себя самого всему остальному. И моменты, когда возникала потенциальная возможность улучшить свое положение, не упускал никогда.

Форте позволил себе лишь несколько секунд на размышления. В результате вся доступная информация аккуратно рассортировалась в его мозгу.

Вывод, пока еще не подтвержденный фактами, напрашивался сам собой.

Хан что-то готовит.

Монитор кивнул своим мыслям и нырнул в следующий вагончик, автоматически выкатившийся на конечную станцию, после того как властный хан Виши уехал вдоль окружности базового корпуса.

Лицо Динаса, так же, как и лицо хана, напоминало маску, но вовсе не потому, что он пользовался светоотражающим лаком. Ему лак был ни к чему. Просто лицевым мускулам монитора Форте редко приходилось напрягаться. Иногда он совершенно серьезно пытался вспомнить – и ни разу так и не вспомнил ни единого случая в жизни, – когда ему пришлось бы улыбнуться.

* * *

Механический паук закончил необходимые процедуры и убрался обратно в карман брони. Чувствуя неприятную ноющую тяжесть в плече, Заан Ушастый саперной лопаткой с вибрационной лопастью вырыл во влажном грунте яму, сбросил туда кресло, накрыл его парашютом и закопал. Запрещено предоставлять глифанам даже мизерную часть пангалактических технологий. Хотя Заан придерживался иного мнения, тем более что за три столетия в местные таборы разными путями из космоса кое-что попало и без его участия.

Он пристегнул лопатку к ремню, проверил оружие. Кроме стандартного полевого силовика и громоздкого устройства, генерирующего коконы защитной плазмы, у Заана имелись бинокль и короткий сонический нож – соник. Впрочем, Ушастый надеялся на сочувственное отношение со стороны глифанов. В конце концов, во время Бунта Глифа – попытки кочевников вырваться с поверхности планеты – он им помогал. На барже, той самой, что сейчас добавилась к находившимся на орбите искусственным объектам, он пытался спасти их детей, которых ищейки халган одного за другим отлавливали, замораживали и продавали как органические запчасти в клонарии Конклава. То, что несколько юных глифанов тогда спаслись и, повзрослевшие, жили сейчас где-то на просторах Оси, – его заслуга.

Ушастый оглядел ландшафт, который в последний раз видел много лет назад.

Ничего не изменилось за прошедшие третейские года. Болотистая земля, лужи стоячей воды, кочки и кривые стволы карликовых деревьев. В сером мире Глифа не было солнца и прямых солнечных лучей. Размытый тусклый свет просачивался сквозь сплошной облачный слой, беспрерывно нагнетаемый висящими в стратосфере метеопоплавками. Под ногами Заана, обутыми в высокие армейские ботинки с вакуумными застежками и толстыми магнитными подошвами, ковер бурого мха чуть пружинил, словно готовый в любой миг провалиться.

Дзен пригляделся к полосе гор, чуть дрожащей в мареве испарений, что поднимались над болотами. У подножия их располагался кренчикский Парник, защищенный излучате-

лями репрессивного поля, но сейчас Заан почему-то не мог разглядеть мерцания ионизированного воздуха вокруг излучателей. Вспомнив об осторожности, Ушастый поспешно опустил руку к ремню, пошарил в сумке и сунул в ноздри два мелкоячеистых фильтра. Болота вырабатывали летучий галлюциноген. Хотя его доля в атмосфере и мала, у не обладающего иммунитетом гуманоида он мог вызвать странные видения.

Дзену нужна была мачта радиорелейной связи. Он достал карту, отыскал нужный район и ближайший к нему красный флажок. Нахмурился, прикидывая расстояние: вышло, что до мачты идти около половины условных местных суток.

Он еще раз попробовал разглядеть вторичное мерцание излучателей.

Разноцветный технологический мир федерации Оси, мир транссотовой связи, орбитальных платформ и станций, кораблей и платформ, остался вверху, в недостижимости. Покров насыщенного влагой воздуха плотным одеялом окутывал планету. Других красок, кроме всех оттенков серого, здесь не было.

Стерев со лба теплые капли, Ушастый повесил на плечо тяжелый рюкзак с генератором защитной плазмы и пошел почти в противоположном от массива Стигес и Парника направлении, туда, где над болотом возвышалась мачта радиорелейной связи.

Через третейский час он засек движение далеко впереди. Дзен остановился, вглядываясь, потом зашагал быстрее.

Наперерез ему по болоту двигался кочевой табор глифанов, заметивших падение спасательного кресла.

Три «акулы» Клубка лекарей заняли позиции вокруг баржи «Альта». По словам симбиотов, на одном из кораблей имелась вирусная катапульта. Результатов ее действия никто, естественно, увидеть и услышать не мог, но вскоре пара-декларант Клубка связался с гидроником Болием Каппом и космополовцами. Он сообщил, что атака произведена. Через трое суток искусственный вирус размножится и уничтожит бактерии, после чего, подчиняясь заложенной в него программе, самоуничтожится. «Акулы» снимут карантин, и баржа вновь окажется в распоряжении федератов.

Еще до того, как «акулы» окружили «Альту», все «пираньи», получив через соты транссвязи распоряжение находившегося в другом конце галактики командора Даквана, покинули зону карантина и опустили на «Плюмаж».

Сейчас платформа как раз входила в зону «Эгибо». На мониторах «Плюмажа» возникла сверкающая в лучах Бенетеша спираль станции, окруженная двумя десятками утыканых орудиями агрессивных дронов.

Освещенный желтым карликом «Плюмаж» парил над серой планетой, постепенно обгоняя «Эгибо». Станция и дроны вскоре исчезли из виду. Теперь под платформой сквозь серую пелену и воронки атмосферных циклонов проступали темные пятна, ограниченные закругленными линиями берегов. Южный архипелаг островов лишь немного возвышался над морем болот, из которых в основном и состояла поверхность Глифа.

Через острова протянулся горный массив Стигес. Там располагались Парник и селение кренчиков-половинок.

Далеко под орбитальной платформой, покинув разбившийся спасательный модуль «Альты», к Парнику шел пиччули – последний приживала пангалактики.

* * *

Его одежда состояла из коротких штанов и рубахи без пуговиц, перехваченной узким поясом. Рубаха открывала грудь, коричневую морщинистую кожу, покрытую короткой щетиной, в которой сейчас блестели капли влаги. На спине, где рос уродливый горб, материя натягивалась при каждом движении, и казалось, что она может в любой миг разорваться.

Шея, непропорционально длинные ступни и широкие, мощные запястья тоже заросли волосами, но более редкими и короткими.

Перескакивая через лужи, пиччули фыркали, глубоко вдыхая теплый воздух. Разбитый, наполовину погружившийся в болото модуль с эмигрантской баржи «Альта» остался далеко позади. Приживала уже несколько часов передвигался длинными прыжками. Он искал того, кто дал бы ему имя.

Горы приблизились. Из дымно-серой стены, возвышавшейся над плоским ландшафтом, они превратились в барельеф, грубо вырезанный на каменной поверхности.

По контрасту с застывшим, никогда не меняющимся блеклым пространством вокруг во внутреннем пространстве последнего из расы приживал царил мерцающий хаос. В мозгу его сменялись образы, всплывали из небытия и уплывали в никуда; извивались под ментальным ураганом полотнища красок; картины, словоформы, звуки и запахи прокручивались с бешеной скоростью, накладываясь на окружающее и иногда затмевая его. Острая боль пульсировала в такт шагам. Судороги уже несколько раз настигали приживалу: он валился на спину, ударяясь горбом о землю и дергая конечностями.

Когда очередной приступ прошел и боль отступила, он побежал, чувствуя успокаивающую пустоту в сознании. Лужи почти исчезли, мшистый ковер стал тверже, все чаще сменяясь участками твердой желтоватой почвы. Из теплого воздуха выступил холм, невысокий и пологий. Позади него виднелись склоны гор. Приживала остановился, крутя головой и шумно дыша. Затем двумя длинными прыжками взбежал на холм – и оттуда увидел реншу.

Она сидела лицом к пиччули, прямо на земле, поджав под себя ноги. Подол длинного широкого балахона был расправлен, в нем лежали мелкие клубни.

Пиччули остановился, прижимая руки к груди. Пышные ресницы помаргивали, коричневый нос шевелился, раздувались узкие ноздри.

Большие антрацитово-черные глаза, казавшиеся пустыми и мертвыми, смотрели на половинку, которая сосредоточенно перебирала клубни. Казалось, что она сидит позади некоего рубежа, протянувшегося широкой окружностью вокруг предгорий и проходящего у подножия этого холма. Дальше ковер мха становился сплошным и очень пышным, будто за ним специально ухаживали, а кусты – до того усохшие, стелившиеся по земле, – росли ровными рядами. Среди них можно было заметить мелкие, пропущенные сборщиками урожая клубни. Ноздри пиччули раздулись сильнее, уловив новый запах. Он медленно повернул голову из стороны в сторону.

Холмы, вроде того на котором стоял он, окружали поля с окультуренным кренчем. Возле соседнего – блестела металлическая конструкция, перевернутый набок большой цилиндр. Он частично погрузился в землю.

Увлеченная своим занятием, девушка-ренша не замечала приживалу. Пиччули нагнулся, внимательно вглядываясь в почву под своими ступнями. Вытянув руку, вцепился сильными пальцами в мох и дернул, оторвав участок бледного зелено-коричневого ковра.

Под ним открылись вкрапления стальных жгутиков и проволочек, перекрученных друг с другом и присыпанных землей. На краю обнажившегося участка торчал толстый прут, усеянный выпуклыми стеклянными кружками. Он изгибался, обоими концами уходя в холм. Пиччули мозолистой пяткой наступил на него.

В застывшем воздухе раздался треск, приживалу подбросило над землей. Не издав ни звука, он кубарем скатился по склону и упал навзничь, головой возле колен ренши. Пальцы на ногах судорожно дрожали, в шерсти трещали искры.

Над холмом вспыхнул и тут же погас купол белого света. Волна озона разошлась вокруг. В обе стороны по дуге, незримой линией соединявшей одинаковые холмы, вдоль земли пробежала цепочка расплывчатых огней, над ними взлетали пучки мха, мягкий грунт вспучивался пузырями и опадал. Цепная реакция пронзила полукружье холмов до самых

предгорий. В низкое небо вонзились пики белого свечения, каждый вырвался из своего холма, несколько секунд вибрировало и гудело, вспоров облачный слой, в разрывах которого мелькали голубые фрагменты. По поверхности металлического цилиндра зазмеились голубые молнии. Дрожь от включившихся излучателей разлилась по окрестностям и исчезла вместе с гулом. Остаточное мерцание ионизированного газа поднялось вверх – и стена репрессивного поля вновь окружила район Парника.

Пиччули встал, глядя поверх головы ренши. Мертвые глаза его были похожи на черные дыры.

– Кто ты? – спросила она без испуга. Словоформы принадлежали обычной панречи, но произносились с сильным акцентом.

Пиччули присел на корточки, схватив девушку за подбородок, повернул ее голову из стороны в сторону, разглядывая. После электрического удара в сознание приживалы вернулся хаос, лица и фигуры замелькали цветной мозаикой. Он выгнулся, показывая незащищенную шею, давая понять, что подчиняется.

– Меня зовут Глата, – произнесла ренши, отстраняясь. – А тебя? Ты похож на...

Рот пиччули открылся, когда он понял, что она сама начала ритуал доминирования. Язык заскреб по нёбу, он пошевелил темными губами, силясь что-то сказать. Потом неразборчиво фыркнул:

– Гла... та...

– Похож на пса! – заключила она обрадованно. – Мастер рассказывал нам о псах. Ты – пес?

Он замотал головой, вскочил, крутясь на месте, вновь сел и, видя, что она не знает, как продолжить ритуал, прорычал:

– Назови... меня...

– Я не понимаю, – с сожалением произнесла Глата, отводя глаза. – Назвать? Ты хочешь поиграть?

Пиччули схватил ее запястье и дернул. Девушка поморщилась, высвободила руку и стала гладить его по лбу. Попробовала потрепать густые волосы за ухом, но он досадливо зафыркал, неразборчиво произнося слова:

– Скажи... мое имя... Поможет...

– Но я же не знаю твоего имени, – возразила она. – Ты... пес?

– Пес – нет. Псы – помню... Это название, не имя... Дай имя. Важно, важно, важно! Надо имя. У каждого есть. Очень важно!

– Это игра, да? Но ты... мужчина или женщина?

– Ты?..

– Ну конечно, я женщина.

– Тогда – мужчина. Дай имя!

– Ну, значит, ты... тебя надо назвать... – она замялась, вглядываясь в его лицо. – Лед?

Он взвизгнул, как от удара, и затряс головой:

– Нет, нет, нет!

– Но что-то такое в тебе есть... Может быть... Бед?

Вновь раздался визг. В голове пиччули нарастал гул, подстегнутая двумя *неправильными* звуковыми комбинациями боль толчками выплескивалась в мозг. Под черепной коробкой в диком хороводе кружились бредовые образы-воспоминания, искаженные кривым зеркалом почти стертой памяти.

Он зашатался, и Глата вскочила, рассыпав клубни. Пиччули тоже поднялся, девушка стала рассматривать его, медленно обходя вокруг.

– Бат? – предположила. – Бад? Бед? Бет!

Он замер, прислушиваясь к своим ощущениям, несколько раз прошептал: «Бет... Бет» – перекатывая слово на языке.

В мертвых черных глазах заплясали золотые искры.

Под воздействием трех произнесенных вместе *правильных* звуков наплыв шизофренических образов отступил, но не исчез. Чувствуя, что от боли мозг вот-вот растечется внутри черепа пузырящейся жижей, пиччули вновь затряс головой.

– Мало! – твякнул он в изнеможении. – Скажи еще! Этого мало! Бет... дальше?..

Ренша сделала шаг в сторону, он повернулся, позволяя ей хорошенько разглядеть себя.

– За... – сказала она. – Нет – Зе... Зен? Нет, подожди! – крикнула Глата, видя, что он начал медленно заваливаться на спину, вернее, на свой горб. – Зэна? Зена?

Пиччули упал, дергая ногами в конвульсии, с лицом, искаженным болью.

– Зана! – уже почти плача выкрикнула она. – Бет-Зана!

Искры в его глазах вспыхнули золотым фейерверком. Ренша отпрянула, не понимая, что происходит, – глаза нового знакомого наливались цветом, чернота исчезала.

Шея пиччули выгнулась дугой, затылок уперся в землю. Тело приподнялось так, что горб перестал касаться мха, руки раскинулись, и длинные пальцы вытянулись. Очень громко, с хрипом и сипением, он вдохнул воздух, затем, ощерив матовые клыки, выдохнул.

Что-то похожее на прозрачную, почти неразличимую в сером воздухе дымку вылетело вместе с выдохом из разинутого рта. Оно напоминало пар, какой возникает при дыхании на морозе. Секунду видение держалось, стремительно меняя очертания, затем, приняв определенную форму, колыхнулось и исчезло.

Тело обмякло. Пиччули скрючился, прижав колени к животу, а руки к груди, не шевелясь и почти не дыша.

Половинка подошла ближе, осторожно коснулась его плеча ступней, отскочила, когда он резко сел и, поймав ее за ногу, легко похлопал по колену.

– Это была хорошая игра, – произнесла она с облегчением.

Длинные ресницы дрогнули, и ренша Глата тихо ахнула. Глаза горбуна больше не были непроницаемо-черными и мертвыми, их насыщал новый, чистый цвет. Ритуал завершился.

Тот, кого теперь звали Бет-Зана, медленно поднял голову. Длинные ресницы затрепетали, поднялись, и сияющие золотом глаза взглянули на его новую доминанту.

Шесть

– Я видела, как оно упало, – говорила Глата, осторожно переступая через ряды кустов. – С таким шипением. Пожалуйста, осторожно, не наступи на ростки... Из него выдвинулись блестящие лапы, но одна сломалась, и оно опрокинулось на пограничный холм. Тогда зашипело совсем громко, земля затряслась. И потом «Стена» исчезла... первый раз за мою жизнь.

Пиччули и ренша шли прочь от активизировавшегося репрессивного поля, приближаясь к горам. Бет-Зана то отставал, то убегал вперед, низко нагибаясь, обнюхивал землю и кусты, фыркал и становился на четвереньки. Теперь движения его тела, короткие, быстрые жесты и резкие повороты головы говорили о том, что это мужчина, самец. Ренша сразу же почувствовала это и удивилась, почему не смогла разобраться раньше.

Пиччули в два прыжка вернулся к Глате и спросил:

– Это зовется пограничными холмами?.. – Он говорил на чистой панречи, голос был глухой и временами напоминал ворчание дикого животного, хотя нотки безумия, звучавшие в этом голосе раньше, исчезли. – Вон то... – развернувшись, он стремительно вскинул руку, указав на полукруг мерцающего света, который поднимался над болотами, а затем вновь зарысился вперед, нагибаясь и раздувая ноздри. – Почему «Стена»?

Ренша шла следом, мягко ступая босыми ногами по влажной земле. Низкие облака, стремительно меняя очертания, неслись над их головами.

– Как же еще ее называть? – крикнула Глата вслед пиччули с легкой обидой в голосе. – Если она окружает мир?

– А снаружи была когда-нибудь?

– Нет, что ты! Там живут дикие. И я ведь говорила тебе, Стена исчезла впервые за мою жизнь. Но ты недослушал. В этой... этом... – Она нахмурила чистый, детский лоб, пытаясь подобрать название предмету, увиденному впервые в жизни. – В этой вещи открылась дверь, и наружу вышли люди. По-моему, это и были те дикие, что живут за Стеной. Тогда я испугалась и спряталась. Просто легла за кустами и стала смотреть на них. Они что-то делали с... вещь, в которой прилетели. Но, наверное, у них ничего не получилось, потому что они вдруг стали ругаться. Один из них очень толстый. И потом они ушли. А ты не знаешь, что это значит? Как дикие прошли за «Стену»?

– Сколько их было? – спросил Бет-Зана, остановившись. Кусты здесь заканчивались, впереди открылась узкая земляная дорога со следами гусениц. По другую сторону вновь начиналось поле кренча, дальше виднелись склоны и распадок между ними.

– Я не разглядела, – сказала Глата. – Может быть, десять. И они пошли в сторону долины, туда же, куда теперь идем мы. Долина – это место, где мы живем. Как ты думаешь, что они делают сейчас?

– Кто тут ездит? – спросил пиччули, насупившись.

– Мастер Гора.

– Кто такой Мастер Гора?

– Друг тех, кто живет за небом. Они называются Властными.

– Друг?.. Жрец? У вас есть машины?

Она покачала головой:

– Только у Мастера Горы. На ней гусеницы и воздушная подушка. Он так говорит, когда машина задувает под себя воздух. Это вездеход. После сбора урожая Мастер Гора садится на него и делает объезд. У вездехода есть такие руки... ма-ни-пу-ля-то-ры, которые могут собирать оставшиеся клубни. Оп-ти-ка вездехода их видит, а если клубни посреди поля, то Мастер включает воздушную подушку и машина едет по кустам, но не ломает их. Пойдем быстрее, скоро начнется дождь. Вот это, на твоей спине... что это?

– Горб, – ответил он.

– Что это – «горб»?

Пиччули наморщил нос, вспоминая, потом произнес то, что слышал раньше от сопровождавших его лекарей:

– Искривление грудного отдела позвоночника выпуклостью назад. Деформация грудной клетки.

Они перешли через дорогу и вновь углубились в поле.

– Откуда ты знаешь, что будет дождь? – спросил Бет-Зана, приглядываясь к небу, где ничего не менялось: все тот же сплошной облачный покров, а под ним, гораздо ниже, – отдельные клубящиеся облака, темно-коричневые, почти черные.

Глата пожала плечами:

– В это время всегда идет дождь. Так хотят Властные. А откуда ты?

Вопрос заставил пиччули сбиться с шага. Он остановился, замер на мгновение, потом развернулся, оказавшись нос к носу с Глатой. Она чуть испугалась, глядя в наполненные золотом, почти светящиеся глаза. Затем отвела взгляд – долго в эти глаза смотреть было невозможно.

– Где я? – вдруг тоскливо забормотал пиччули. – Как сюда попал? Что было раньше?.. – Он отстранился и громко фыркнул. – Не спрашивай. Я – сильный. Я могу защитить тебя. Но чтобы защищать, мне надо знать, что вокруг. Расскажи мне. Кто вы? Где живете? Кто такие Властные? Кто такие дикие?

– Мы живем в Долине. Там наш город. Мы – избранное племя, которое Властные считают достойным того, чтобы продолжать род, – произнесла Глата. – Так говорит Мастер Гора. Властные – боги, которые живут за небом. Мы произошли от диких. Но дикие – жестокие и злые, боги оставили их за Стеной, потому что они недостойны. А избранное племя доброе. Дикие хотят попасть в Долину, но «Стена» не пускает их... раньше не пускала. Дикие все умрут от гнева Властных. Потом, когда-нибудь. Властным нужен кренч. Я не знаю, для чего он им нужен. Тот, кто ест кренч, живет долго, может быть, он им нужен, чтобы жить вечно? Если мы будем добрыми друг к другу и к кренчу, то после смерти Властные заберут нас за небо. На небе тоже поля... – Она показала вверх, и пиччули невольно поднял голову. При известном воображении можно было действительно представить, что облачный слой плотен и материален и над ним, по другую сторону, есть что-то еще, кроме воздуха.

– ...поля с золотым кренчем, – продолжала Глата. – Там яркий свет от... – она пошевелила губами, – от звезды. Солнца. Там красиво. Мы будем бродить по полям, никогда не испытывая голода, потому что там мы сможем есть золотой кренч.

– А этот вы не едите? – спросил пиччули.

Ренша отшатнулась, рассерженно глядя на него, словно он сказал что-то грубое и неприличное. Казалось, сейчас она закричит на Бет-Зану, но половинка лишь вздохнула и произнесла с укоризной:

– Кренч нужен Властным. Как же мы можем есть его?

– Зачем им кренч, если там, где они живут, есть поля с золотыми клубнями? – рассеянно спросил Бет-Зана, не ожидая ответа. Пока Глата растерянно моргала, он искоса рассматривал ее.

Она была невзрачна, с незапоминающимися чертами лица. Тело под балахоном казалось тщедушным и слабым. В то же время во всем облике присутствовало наивное, инфантильное обаяние. Только такие, как она, могли без сомнений верить в ту чушь, которую выслушал сейчас пиччули.

– Сколько тебе лет? – спросил Бет-Зана.

– Что такое «лет»? – удивилась она. – Мой... возраст? Иногда небо чуть темнеет. Время между двумя потемнениями называется циклом. Мне девятнадцать циклов, через цикл я рожу ребенка, а еще через два цикла умру.

– Почему?

– Потому что все избранные умирают, когда им наступает двадцать два цикла.

– Просто так никто не умирает. Отчего ты умрешь?

– Я приду к Мастеру, и он отправит меня в пещеру, куда опускается посланник Властных. Он забирает кренч и тех, кому пора уходить в золотые поля... Послушай, у тебя глаза тоже из золота! – воскликнула она. – Может быть, ты с неба?

Это вновь заставило пиччули сбиться с шага.

Некоторое время он о чем-то размышлял, ссутулившись и тоскливо глядя по сторонам, потом сказал:

– Да, я с неба. Но не так, как ты думаешь. Кто будет отцом твоего ребенка?

– Мастер Гора назначил мне Игара.

– Ты любишь его?

– Я... всех люблю.

Наступила пауза, в течение которой Бет-Зана обдумывал это заявление. Затем фыркнул и спросил:

– Что ты делала возле «Стены»?

Бледное лицо Глаты порозовело, она опустила глаза и тихо сказала:

– Я не такая, как все. Меня... тянет в разные места. Посмотреть. Мастер Гора сердится и говорит, что это плохо. Что Властные могут разгневаться. Он говорит, хорошо, что я добрая, самая добрая из всех избранных. То поле, за которым ухаживаю я, приносит больше всего кренча. Если бы не это, боги уже давно забрали бы меня из Долины.

– Разве для вас наказание – попасть в золотые поля?

– Нет, тех, кто провинился, отправляют за «Стену». К диким.

Пиччули попытался представить, что значит для половинки попасть в жестокий кочевой мир глифанов. Дети часто бывают агрессивны и почти всегда эгоистичны. Но избранные были детьми, начисто лишены агрессии и преисполнены альтруистичной жалости ко всему миру. Даже смерть для кренчика была бы лучше такого наказания.

Он подскочил, вдруг сообразив, что мысленно употребил эти словоформы – «кренчики», «половинки» и «глифаны». Глата не произносила ничего похожего, это было воспоминание о... Бет-Зана завертелся волчком, потом схватил реншу за плечи. Золотые глаза впились в нее, словно призывая помочь. Глата остановилась, глядя себе под ноги, на короткие стебли, покрытые колючими шариками. Каждый раз, когда взгляд этих глаз без видимых зрачков и белков обращался к ней, половинка испытывала непонятное ей самой смущение.

– Смотри... – тихо произнесла она, ногой осторожно дотрагиваясь до стеблей. – Это называется колючками. Они вредные. Душат кренч. В полях мы вырываем их.

Бет-Зана засопел – он не мог вспомнить. Его жизнь началась здесь, сейчас, посреди полей кренча. То, что было раньше, превратилось в яму, заполненную вязкой черной грязью.

Ренша осторожно убрала его руки со своих плеч и сказала:

– Мы почти пришли. Ты все время спрашиваешь, но не ответил, когда я спросила тебя. Те дикие, которых я видела... Как ты думаешь, что они делают сейчас?

Пиччули переступил с ноги на ногу, пытаясь вникнуть в смысл словоформ. Под воздействием ментального усилия со дна ямы поднялись аморфные образы, расплылись у черной поверхности и вновь исчезли. Мысленно он привел в порядок те сведения, которые успел узнать от нее. Потом сказал:

– Думаю, они убивают половинок.

* * *

Широкая повозка двигалась медленно – на Глифе не водилось животных, которых можно было бы приучить и впрячь в нее. Повозку тянули старики, дети и несколько женщин, самых некрасивых, слабых и наименее ценных для табора. Скрипя, крутились колеса, очень широкие, чтобы не проваливались в мягкий грунт. На повозке лежали связки сушеных стеблей, котомки, тюки грубой ткани и шесты, из которых во время стоянки собирали шатры. В задней части стояла клетка из кривых деревянных прутьев. Внутри нее кто-то сидел на корточках. Еще несколько стариков и женщин тащилось следом, а по сторонам шли мужчины. Кочевники были одеты в подобие штанов, мешковатые рубахи без рукавов, обуты в сандалии – все из толстых, грубых, непрочных стеблей. Женщины носили что-то вроде мешков с прорезами для головы и рук, старики – всего четверо – только набедренные повязки, а дети вообще шли голыми.

Ушастый попытался воскресить в памяти информацию о кочевниках, которую под нажимом Миссии Объединения согласились предоставить халгане.

Основной проблемой был голод. Изначально глифанов кормил дикий кренч, но после начала Затемнения его питательные качества стали ухудшаться. Кочевники приспособились есть листья – у одного из видов болотных кустов имелся определенный набор веществ, способных некоторое время поддерживать организм. Еще в пищу употреблялись длинные кольчатые пиявки.

На планете насчитывалось три крупных табора и множество небольших. Пиявки водились в топях, полукругом охватывающих Южный архипелаг, и за места их обитания в течение двух десятилетий велась кровопролитная война между племенами. Она закончилась воцарением в самой богатой части топей табора Арка Вега, который сумел даже окружить свой район подобием пограничной стены – изгородью из срубленных стволов карликовых деревьев. Арка выставил сильную по глифским меркам охрану. На топях трудились рабы; обнищавшие, вымирающие от голода таборы обменивали их на съедобных пиявок. Добыча была делом опасным, поскольку пиявок ловили на живца – раздетого догола глифана обвязывали плетеной из стеблей веревкой и запускали в болото, где он сидел неподвижно, постепенно погружаясь в трясину. Затем его вытягивали и снимали с тела присосавшихся пиявок. Организм живца постепенно загрязнялся продуктами метаболизма кровососов, и глифан умирал в течение одного-семи планетарных циклов, преследуемый кошмарными видениями.

Свой живец – и необязательно раб – имелся у любого табора. Даже на южных островах, посреди более-менее твердой земли, попадались топкие места, и мелкие безымянные племена вели нескончаемую войну за право подольше оставаться возле них.

Дзен замер, ожидая развития событий. Языком глифанов была несколько видоизмененная панречь, и Ушастый надеялся договориться.

Повозка встала, тянувшие ее побросали концы длинных веревок и поспешно отошли назад, боязливо поглядывая на него. Вооруженные мужчины разошлись полукругом. Заан был на две головы выше среднестатистического гуманоида расы землян, самый высокий глифан – на голову ниже. Шагнувший вперед атаман табора доставал теменем лишь до груди Ушастого.

– Приветствую тебя... – настороженно произнес атаман. Сквозь грязные волосы на его макушке проглядывала круглая белая лысина – не знавшая солнечных лучей кожа глифанов была очень светлой.

Атаман сказал, старательно выговаривая слова и широко открывая рот, так что дзену были видны пеньки зубов:

– Как тебя зовут?

– Заан, – представился дзен. – А ты?..

– Гири... – Глифан, склонив голову, искоса окинул взглядом снаряжение и одежду Ушастого. – Мы видели огонь и дым. И что-то упало с неба около гор. Два раза что-то пронеслось из облаков к земле. Не ты ли это был, Заан?

– Только один раз, – откликнулся Ушастый. – Я из фаланги, патрулирующей атмосферу. Если ты понимаешь, о чем я говорю.

– Очень плохо, но я понимаю тебя.

– Тогда ты, наверное, сможешь понять и это. Я преследовал пиратов. Подбил их, но и они меня подбили.

Ушастый заметил, как при упоминании пиратов все мужчины уставились на него. Атаман спросил, тщательно подбирая слова:

– Куда ты направляешься теперь?

Заан не видел смысла врать кочевникам. Все, что ему требовалось сейчас, – это как можно быстрее добраться до мачты радиорелейной связи и связаться с орбитой. Темнить было незачем, и он сказал, делая шаг вперед:

– Вы видели когда-нибудь очень длинные шести, торчащие из земли? Под ними стоят небольшие... – Он замялся, соображая, знакомы ли глифанам понятия зданий, строений. – Небольшие домики. И все это окружено полем... стеной, как вокруг Парника. То есть похожей на ту, что находится возле гор, только поменьше и синей...

– Стеной? Мне неясно, что значит «синей». То же, что и «поменьше»? Зачем два раза говорить одно и то же? Небесные шести, это ты имеешь в виду? Конечно, мы видели их. Один недалеко... – Глифан махнул рукой в сторону, откуда двигался табор.

Ушастый уставился на атамана. Потом обвел взглядом окружающий пейзаж, про себя перечисляя краски и оттенки, замечая то, на что не обращал внимания раньше, и с изумлением начиная понимать.

Серый цвет преобладал. Были еще серо-зеленые оттенки растительности, черные и бледно-лиловые поверхности топей, темно-коричневые пиявки и коричнево-зеленые ткани, белые, еще не успевшие потемнеть зубы детей, красный цвет, когда они зажигали костер, – и красная кровь... но не синее небо над головой.

Вместо неба – лишь тучи, облачный слой, тоже серый, возможно – черный или лиловый в бурю... С началом Затемнения синий цвет исчез из этого мира. Искусственные красители, конечно же, отсутствовали, а на всей планете нечему было отражать и преломлять свет именно таким образом.

Он подумал: чего же лишили их халгане? Ни разу за свою короткую жизнь не увидеть небо, солнце... Они могли еще помнить, что такое орбита, космический корабль, Ось – одно поколение должно было передавать другому рассказы о Вселенной, обязательно мифологизуя ее, наполняя сказочным смыслом окружающее Глиф пространство... Но вряд ли отец рассказывал сыну, что такое синий цвет. Или каков он. Ведь это не то, что можно связно выразить словоформами, – лишь увидеть собственными глазами или нарисовать, изобразить, а красок здесь не встречалось...

Пораженный этим, Заан подумал: как же так? Гармоники репрессивного поля Парника были, в зависимости от погоды, бежевыми или молочно-белыми. Но мачты радиорелейной связи защищало более энергоемкое силовое поле. Его свечение имело синий окрас и, если они видели его... Ушастый покачал головой, размышляя. Или, возможно, поля вокруг мачт все же не силовые? Он не знал точно, он только предполагал. Если халгане решили сэкономить... Но что тогда они использовали для защиты мачт? А защита имелась, без нее кочевники уже давно распотрошили бы все оборудование...

– Вы проведете меня к ней? – спросил Ушастый.

Тот, кто сидел в клетке, выпрямился, и Заан смог разглядеть старика, тощего и голого, со множеством гнойных ранок по всему грязному телу. Старик пристально смотрел на него.

– Мы можем навлечь на себя гнев Властных, – сказал атаман.

– Властным сейчас нет дела до вас. И они...

Атаман поднял руку, призывая дзена к молчанию. Потом произнес:

– Ты отдашь нам то, на чем прилетел сюда?

Заан развел руками:

– Я не могу. К тому же вам не будет от него никакой пользы. Оно обуглилось, остался только остов да спутанные стропы... – Он замолчал, увидев, что атаман не понимает. Словоформы «стропы» Гира не знал, к тому же для глифанов бесценны даже эти останки. Ремни, крепкая, синтетическая ткань парашюта... он понял, что пытается вспомнить, были ли на геометрическом узоре купола синие фрагменты.

Заан с сожалением покачал головой.

– Не могу, – повторил он. – Там все сгорело.

Атаман произнес:

– Вряд ли сгорело все. Не можешь? Нет, ты не хочешь. Тебе запрещают Властные.

– Может быть, тебя порадует хотя бы эта новость: Властные теперь не столь сильны, как раньше. Возможно, очень скоро их совсем изгонят с орбиты Глифа. Ты ведь понимаешь, что такое орбита? Как только это произойдет, к вам начнут опускаться корабли с помощью.

Гира покачал головой с сомнением и смирением.

– Я не верю в это. Скажи, Заан, для чего нам помогать тебе?

– За мной опустятся, чтобы подобрать. И тогда я отдам вам то, что у меня есть при себе.

– На глазах у тех, кто спустится за тобой?

– Да. Это, скорее всего, будут люди из моей фаланги. Я отдам вам большую часть одежды, паука...

– И это? – Грязный палец указал на рюкзак с плазменным генератором на плече дзена.

– Извини, – сказал Ушастый. – Это я отдать не могу. Но все остальное, оно ведь тоже будет ценным для вас.

Атаман шагнул назад. Кочевники-мужчины приблизились к Гире, они склонили головы, тихо разговаривая. За повозкой женщины и дети стояли молча.

– Мы решили, – произнес атаман.

Позади него старик в клетке вдруг прыгнул на прутья и затряс их немощными руками, выкрикивая что-то бессвязное, неотрывно глядя в глаза дзена. Один из мужчин, вскочив на повозку, сквозь решетку ударил его. Старик упал и смолк.

– Если ты пришел сверху, то расскажешь нам, что происходит там. И отдашь свою одежду. И свой нож. А мы...

Не слушая его, Заан смотрел, как в клетке старик, приподнявшись на локте, показывает ему тощую руку, сгибая и распрямляя пальцы. Казалось, он что-то считает, при этом продолжая смотреть на Ушастого блестящими, безумными глазами.

Дзен вдруг по-новому взглянул на мужчин, полукруг которых охранял обе стороны повозки. Они были вооружены короткими дубинками и дротиками – если так можно назвать тонкие палочки с плохо заостренными концами. А еще в руках у нескольких зажаты широкие плетеные полоски, скорее всего, пращи...

Старик в клетке вновь поднял руку, показал Заану четыре пальца, затем три и два. Дзен прищурился. Разговаривая с атаманом, он не пытался удержать в поле зрения весь табор, и теперь ему показалось, что тех, кто стоял слева от повозки, стало меньше, чем вначале. Если один глифан, улучив момент, скрылся за кустами и пополз в обход...

Именно поэтому воспитанники ледовитых дзенских универсалов считались лучшими бойцами Оси. Дело не только в умении драться, в количестве всевозможного оружия и тех-

ники, которыми они владели. Важно чутье – то ощущение, возникающее за секунду до того как противник начнет действовать, когда ты знаешь, что именно он сейчас предпримет. Чутью, мгновенному просчету возможных вариантов и выявлению наиболее вероятного, как и любому другому умению, можно научиться. Существовали специальные школы для его развития, и Ушастый в свое время был лучшим из лучших.

Он присел, одновременно поворачиваясь, – и камень, который должен был ударить его в затылок, чиркнув по волосам, улетел дальше. Выхватив силовик, Заан прицелился в голову, мелькнувшую за кустом далеко позади, но не выстрелил – чутье вновь заставило его обернуться, теперь к повозке.

Все мужчины табора вращали над головами пращи. Пять или шесть камней полетели в него с разных сторон. Заан успел силовым потоком снять три из них в воздухе, один отбил рукой, от одного увернулся – но последний камень ударил его в деформированное ухо. Мир раскололся напополам и пропал.

Реальность то наливалась тусклыми оттенками, то темнела и исчезала. В промежутках между наплывами тьмы сознание улавливало разрозненные куски окружающего, и тогда Дзен начинал смутно понимать, что происходит вокруг.

Он чувствовал, как его раздевают, неумело дергая застежки, с мясом вырывая петли, как снимают ботинки, ощупывают тело... Слышал голоса, звучащие то болезненно громко, то совсем тихо... Ощущал движение, толчки и шипки... Удары по ребрам, затем по голове, там, куда угодил камень... Еще сильнее... Он глухо замычал сквозь зубы.

Через некоторое время тренированное сознание взяло контроль над телом, и Заан Ушастый, упираясь во что-то твердое сначала плечом, а потом лбом и коленями, медленно сел.

Слезы мешали смотреть, рук он не ощущал. Пришлось несколько раз моргнуть, чтобы окружающее наконец попало в фокус и прояснилось.

Он сидел в клетке, которая стояла в задней части повозки. Заан пошевелил плечами – внезапное чувство, что ему отрубили руки, пронзило его – и понял, в чем дело. Их вывернули за спину, стянули веревками в локтях и запястьях с силой, означавшей, что плечевые суставы, скорее всего, вывихнуты. Ноги тоже были связаны, но он хотя бы видел их... обнаженные, как и все тело. Запекшаяся кровь коркой стягивала кожу на лбу и правой щеке. Тупая боль ломала виски, а левое ухо... Наверное, по ушам хлопнули ладонями, одновременно и очень сильно. Звуки, доносящиеся справа и спереди, он еще слышал, но по левую сторону царил глухая тишина. Из глубокого пореза на груди кровь уже не текла, значит, прошло достаточно много времени. Стараясь не поворачивать голову, Заан искоса огляделся.

По особенностям ландшафта он не мог догадаться, в каком направлении движется табор. Особенностей просто не было – только мох, чахлые кусты и кривые стволы редких карликовых деревьев. Наверняка глифаны хорошо ориентировались здесь, не могло не существовать множества естественных примет, скрытых от глаз непосвященного, но ясно видимых кочевникам. Дзен повернул голову, стараясь не обращать внимания на боль в шее. Табор двигался тем же порядком: впереди, сжимая концы перекинутых через плечи веревок, брели женщины и дети, мужчины шли по сторонам, и только атаман сидел, поджав ноги, на передке повозки.

– Гира! – негромко окликнул его Ушастый. – Повернись ко мне.

Кочевник оглянулся. На нем была куртка дзена, слишком большая для глифана. Из закатанных рукавов торчали худые запястья, под расстегнутым воротом виднелась блестящая синтетическая материя рубахи. Рядом лежали ботинки – размер не позволял никому в таборе разгуливать в них, – силовик и раскрытый ранец, из которого торчал металлический бок плазменного генератора.

– Почему? – спросил Ушастый. – Только из-за него?.. – Он глазами показал на генератор. – Все остальное я бы отдал вам и так.

– Хорошо живется за небом? – произнес атаман, на коленях подбираясь ближе к клетке и поигрывая выключенным соническим ножом. – Там сытно и весело, а, Властный? Как включить это?

Заан уставился на кочевника.

– Властный? Но я не халганин. Неужели ты не видишь? Халгане гораздо ниже, толще, у всех высших кожа обязательно покрыта желтым веществом. Та баржа, в которой давным-давно они прилетели на Халге, была одной из первых транспортов эмиграционного Роя. Ты понимаешь, о чем я говорю? Тогда еще не изобрели защиту общего спектра, которой сейчас оснащают любой корабль, а она попала под поток излучения от сверхновой, это нарушило ферментацию. И взрослые, и дети на той барже, от пожилых до младенцев... Целых три поколения. Те, что достигли Халге позднее, летели на более совершенных кораблях, но именно первые, успев освоиться, взяли власть. Но мутация закрепилась в ДНК, из-за нее аминокислоты... В общем, потому только у ханов сверхчувствительная кожа. Даже под таким слабым светом все мое тело успело бы... – Он замолчал, увидев, что атаман не понимает.

Возможно, это поколение глифанов не знало уже даже, что такое Халге, – они слышали лишь о Властных и их летающих шариках, о вечном проклятии кочевников, от которого здесь нельзя было укрыться, потому что, взрываясь, они накрывали большую часть планеты мучительной смертью.

– Ты – оттуда... – Палец Гира указал в небо. – Остальное неважно. Вы жрали нас, а теперь мы будем жрать тебя.

Не понимая смысла его слов, Заан произнес:

– Я же помогал вам. Помнишь, как таборы пытались спасти своих детей? Ты должен помнить это, Гира. Я помогал переправить их на опустившуюся здесь баржу, а потом спас нескольких от ищеек Халге. Немногих, всего пятерых, но это были ваши дети, и они живут сейчас благодаря мне.

– Где? – спросил атаман, продолжая поигрывать ножом. – Говоришь, они живут сейчас там, откуда пришел ты? Тогда почему наши дети не пытаются помочь своим отцам? Почему ничего не сделали для нас? Я помню баржу. Одна такая, опустившаяся сюда, полная еды, могла бы прокормить все таборы несколько циклов. Разве для тех, кто живет за небом, сложно снарядить баржу с едой для нас?

– Властные не позволяли помогать вам. Но сейчас, говорю тебе, они уже не столь сильны. Скоро помощь придет. Вы... вы даже сможете улететь отсюда! – дзен незаметно для себя заговорил громче, идущие по бокам повозки мужчины стали оглядываться.

– Молчи! – приказал атаман, подползая поближе к клетке. – Дети, попавшие на баржу, принадлежали к табору Арка Вега. Вега не позволили подойти к месту посадки никому другому. Мы просили их пропустить хотя бы детей, но... Говоришь, нам дадут уйти отсюда? Насовсем? Как думаешь, Властный, кем мы станем за небом? Рабами? Кем стану я? Прислужником у какого-нибудь другого Властного? Буду выполнять ту работу, которую не хочет выполнять никто больше? Здесь я бог! – зашипел он свистящим шепотом. – Я сам – Властный над этой грязью!

Дзен увидел, как пальцы Гира лихорадочно нажимают на выступы рукояти, как касаются сенсоров, включающих щадящий, активный, а потом и сверхактивный режим, и тонкое лезвие соника начинает расплываться, превращаясь для взгляда сначала в полоску, затем в матовое облачко, дрожащее над рукояткой.

– Я властен даже над тобой, Заан! – выкрикнул атаман и, просунув руку сквозь прутья, полоснул ножом.

Откинувшись назад, дзен ударил ногами по руке кочевника. Соник упал в сгнившие стебли, устилавшие дно клетки. Лезвие дрожало и расплывалось с тихим гудением. Понимая, что может лишиться обеих рук, Заан перевернулся, лег на него спиной, стараясь попасть на лезвие запястьями, не обращая внимания на большой палец левой ноги, почти перерубленный атаманом, висящий лишь на лоскутке кожи. Он поерзал, страшаясь лишь того, что сонический нож прорежет мускулы спины и доберется до позвоночника, чувствуя жжение и вибрирующую мощь резонанса под собой. Снаружи кричали, несколько мужчин, вскочив на повозку, пытались развязать веревки, заменяющие петли в маленькой решетчатой дверце, но они не успевали – Ушастый чувствовал, что вместе с кожей запястий лезвие вспарывает веревки, – и тут за прутьями атаман Гира, уже несколько секунд яростно щелкающий силовиком, случайно нажал нужную кнопку и ударил по клетке силовым потоком.

У Заана возникло ощущение, что кожа на голове стягивается в комок, в одну точку на лбу. Руки и ноги свело судорогой, кости затрещали, выгибаясь, сухожилия и связки натянулись до предела, почти лопааясь. Губы сами собой растянулись, оскалив зубы, на деснах выступила кровь, выпучились глаза, когда веки потянуло вверх. Тело, сломленное силовым потоком, выгнулось дугой, приподнимаясь над прутьями клетки и соником, и тут кочевники, справившись с веревками, ворвались внутрь.

Вновь начались наплывы, поток сознания прерывался и возникал, блеклые краски окружающего шли рябью, то густея, то размазываясь. Он видел кривые прутья, склонившиеся лица, чувствовал, что ему чем-то смазывают рассеченные запястья, перевязывают ступню и палец. Потом лица превратились в орбитальные станции, хороводом кружащиеся над ним; Заан увидел звезду Бенетеш, которая вставала над краем серой планеты, корабли, ежи кибернетических дронов и спираль «Эгибо». Он то плавал в невесомости, то проваливался в черную дыру, и чудовищные гравитационные потоки терзали тело.

Наверное, прошло много времени, но интенсивность света оставалась прежней, только ландшафт немного изменился. Слева от повозки возникло что-то новое. На фоне мертвых красок болот оно казалось очень ярким, насыщенным новыми цветами.

Дзена уложили на бок, прижав грудью и лицом к прутьям, чтобы тело не придавило покалеченные руки: кочевники не хотели, чтобы пленник умер раньше времени. Стало понятно, что пятно, показавшееся ему более ярким, чем все остальное, – это топь, покрытая лиловыми и густо-зелеными разводами. Мох на низком берегу не рос, там виднелась земля. Из топи торчали стебли колючек.

В ней кипела жизнь. Иногда что-то неторопливо проплывало, в густой черной жиже лениво извивались маленькие вытянутые тела, а полосы зеленого и лилового медленно закручивались, постепенно перемешиваясь друг с другом.

Клетку открыли, дзена сбросили с повозки, и он упал лицом в грязь. Заана приподняли, он ощутил шершавое прикосновение веревочной петли, которую обвязали вокруг пояса.

Четверо кочевников подняли его, сжимая под мышки и за локти, поставили на ноги, не отпуская, – сам он стоять не мог.

Перед глазами мелькнул старик с гнойными ранками на тощем теле. Он отошел за повозку, присел там, исчезнув из поля зрения, и тогда наконец Заан понял. Живец – вот кто это был, а кровь из ранок должна была привлекать пиявок. Клетка предназначалась для живца. Хотя одиночка и не мог выжить в болотах, но судьба живца была все же слишком безрадостной, чтобы добровольно оставаться в таборе. Любой на его месте попытался бы сбежать. И если теперь старика выпустили из клетки, позволили идти, даже не связав руки...

Подожел Гира с остро заточенной деревянной палочкой в руке.

– Архуда теперь негодный живец, – сказал он. – Пиявки стали плохо ловиться, после того как его раны совсем загноились и чистая кровь перестала выходить наружу... – говоря

это, атаман начал царапать дзена заостренным концом палочки по шее, груди и животу, несколько раз сильно кольнул в пах, чтобы выступила кровь. Подняв голову, Гира снизу вверх взглянул в подернутые мутной поволокой глаза Заана. – Вообще-то он из Арка Вега. Своих стариков они убивают, но Архуда сумел убежать. Мы случайно поймали его. Теперь он нам не нужен. Ты готов быть живцом, Властный?

* * *

– Что же случилось? – растерянно спросила Глата у пиччули, выглядывавшего из-за угла дома. – Сейчас все должны собраться здесь, гулять перед молитвой...

Они стояли возле платформы монорельса. Металлическая полоска тянулась вдоль крутого, густо заросшего кустарником и деревцами склона. Дальше у подножия горы высился трехэтажный дом с покатой крышей и очень узкими незастекленными окнами.

Пластик ... эта словоформа сама собой всплыла в сознании пиччули, когда он увидел стену дома. Словоформа была безопасной, но пахла неприятно, кисло... То, что Бет-Зана периодически вспоминал, сперва рождало ощущения, которые стояли за предметом или явлением в его прошлой жизни, а уж потом становилось связным логичным воспоминанием.

Одинаковые блоки, отлитые из строительного пластика, не могли производиться здесь – они попали на планету откуда-то сверху. Бет-Зана глянул на тучи между низкими вершинами гор. Сверху? Он помнил, что находился внутри огромных помещений, помнил сопровождавших и то, как легко сбежал от них... Но где все это происходило? Теперь, после обретения новой доминанты, он смог понять, что оказался на планете, даже смутно осознал космогонию Вселенной, но вот имена и названия...

– Я не понимаю, – повторила ренша. – Куда же все подевались?

Бет-Зана, не отвечая, внимательно смотрел вперед. Городом это мог называть лишь тот, кто никогда не был в настоящих городах. Город не может состоять из одного здания. Перед пластиковым домом раскинулась круглая земляная площадка с помостом в центре. По другую сторону за низкой изгородью, протянувшейся между двух склонов, вновь начинались поля кренча. Монорельс тянулся по крутому скату до самой вершины, но вагона видно не было – значит, сейчас он находился на самом верху.

Приживала тряхнул головой, моргая, и длинным языком облизал губы, по которым стекали капли дождя. Дождь начался, как только они достигли долины, и шел не переставая, наполняя все вокруг теплой пеленой влаги. Очень мелкие капли – это напоминало туман. Он скрадывал очертания предметов и искажал расстояния.

– Что за дом? – спросил пиччули.

Глата, переступив с ноги на ногу, пробормотала:

– Мы живем в нем...

– Все вместе?

– Конечно.

– Выходит, это... – пиччули поморщился, вспоминая подходящую словоформу. – Общее... общежитие?..

Она начала что-то говорить, но тут из дома донеслись крики и звон. Дверь содрогнулась, что-то расколосось.

– Что это? – спросила ренша испуганно.

– Здесь есть... есть стекло или фарфор? Что-нибудь, что может разбиться?

– Внутри, возле двери, стоит очень большая чашка без ручки. Я не знаю, для чего она. Мастер Гора говорил, она называется вазой и что в ней должны стоять растения. Но я не понимаю этого. Растения – это кренч. Он должен расти в земле, правда?

– Эту вазу только что разбили о чью-то голову, – предположил Бет-Зана.

– Зачем? – тихо спросила Глата после паузы.

Пиччули покосился на нее. Ренша и вправду не понимала. Кренчикам были чужды насилие, любые формы агрессии, вытравленные мнимообработкой их предков и религией, придуманной для них халганами. Но без насилия, без агрессии, недоверия, зависти и ревности они стали неполноценными – половинками, а не людьми. Словно духовные вегетарианцы среди каннибалов. Нельзя быть исключительно добрым, хорошим и оставаться при этом полноценным; абсолютное добро ущербно, решил Бет-Зана.

– Ты спрячешься здесь, – произнес он. Схватив Глату за руку, пиччули поволок ее к платформе монорельса, которую приподнимали над землей четыре сваи.

Под платформой оставалось узкое темное пространство, заросшее мхом и бурьянами-колючками. Бет-Зана взял Глату за плечи.

– Лезь туда! – стал уговаривать он. – Спрячься, пока я не вернусь.

– Для чего? – захныкала она. – От кого мне прятаться? Зачем? Я никогда не пряталась! Не хочу!

Пиччули заставил ее опуститься на колени, тогда ренша заплакала по-настоящему и попыталась оттолкнуть его.

Бет-Зана насупился, глядя, как она растирает по щекам слезы и капли дождя. Он глухо заворчал.

Естественной потребностью любого приживалы в фазе двойного эго было стремление заботиться о своей доминанте, беречь и защищать ее от любых неприятностей. В случае, если доминанта оказывалась сильной, волевой личностью, пиччули рефлекторно подчинялся и начинал выполнять любые приказы – сообразуясь при этом со своей потребностью сохранить доминанте здоровье и жизнь; но иногда доминантой становилась слабая, мало-развитая или просто детская особь, и тогда пиччули второй фазы тут же брал на себя руководство.

– Ты спрячешься там! – рывкнул Бет-Зана, топая ногой и нависая над съезжившейся реншей. – И будешь сидеть, пока я не вернусь! Ты поняла меня?! – Его глаза засверкали, губы растянулись, обнажая острые зубы. – Ты будешь сидеть там! – заорал он, в ярости трясая головой. – Я хочу, чтобы ты была жива! Ты глупая, ты не понимаешь! Дикие пришли сюда, они могут убить тебя!

Когда он замолчал, ренша уже свернулась в клубок под платформой, обняв себя за колени и спрятав лицо в мох. До этого только раз в своей жизни она слышала крики: Мастер Гора рассердился из-за того, что они перевернули корзину с клубнями и раздавили один.

Бет-Зана присел и коснулся ее волос. Глата вздрогнула.

– Подожди меня здесь, – мягко попросил он. – Не вставай и не уходи никуда. Я вернусь быстро. Что находится наверху?

Она взглянула на него полными слез глазами.

– На этой горе, что там? – повторил пиччули.

– Там живет Мастер Гора.

– Туда вы поднимаете урожай своего кренча?

– Да.

– Не уходи никуда, – повторил он, развернулся и побежал к трехэтажному зданию.

Внутри, возле двери, стоял глифан – дикий. Там было темнее, чем снаружи, но все же пиччули разглядел, что в руках у него какое-то оружие. Пригнувшись на противоположной стороне улицы, Бет-Зана некоторое время наблюдал за глифаном. Приняв решение, побежал в обход дома.

С другой стороны обнаружилось узкое, наполненное мусором и сгнившими ветвями пространство между глухой стеной и почти отвесным склоном. Он присмотрелся к крыше.

Дождь шел здесь регулярно, дом оснастили системой водостоков. По периметру крыши крепились наклонные желоба, вдоль угла здания тянулась сточная труба из темного пластика. Пиччули подергал ее. Трубу удерживали толстые скобы – и под нескончаемым теплым дождем Бет-Зана быстро полез вверх.

Он вскарабкался на узкий желоб, размял длинные пальцы с крупными бугристыми суставами, оттолкнувшись, на четвереньках взбежал к гребню. Там уселся верхом и окинул взглядом поселок кренчиков.

Трехэтажное общежитие стояло на краю небольшой долины, между горами. С точки зрения пиччули, горы эти были невелики, хотя он не мог вспомнить, когда и где видел другие, более высокие. Слева и справа просматривались распадки, один вел к полям, по которым они шли с реншей, другой – в соседнюю долину, тоже засеянную окультуренным кренчем. Возле дома – круглая площадка утрамбованной земли, в ее центре помост вроде того, под которым осталась Глата, только повыше, с короткой лесенкой и низким ограждением. Позади, между зарослями и чахлыми кронами, поблескивала полоска монорельса, она тянулась до самой вершины, где смутно виднелось какое-то строение. Вся эта затерянная среди бескрайних болот и небольших гор кукольная долина была, словно влажным покрывалом, накрыта теплой пеленой дождя.

Перекинув ногу через конек крыши, Бет-Зана посмотрел на квадратную будку со слуховым окошком и приоткрытой дверцей. Все правильно: крыша, хотя ее треугольная черепица и была сделана из «вечного пластика», изредка нуждалась в ремонте. Бет-Зана толкнул дверцу коленом, наклонился и заглянул внутрь.

Винтовая лесенка, под ней площадка с еще одной дверью. Он бесшумно сбежал вниз, приоткрыл вторую дверь, снова выглянул, зацепившись горбом за дверной косяк. Бет-Зана медленно повернул голову и скосил глаза на свой горб. Тот мешал. Рефлексы пиччули, обычные повседневные движения и походка – все то, что живое существо совершает без обдумывания, – не учитывали горб на спине.

Теперь стал виден широкий коридор с еще одной лестницей и рядом дверей. Здесь было пусто, но снизу доносились приглушенные голоса. Пиччули двумя прыжками преодолел коридор, присел и глянул между балясинами.

Внизу отдельных помещений не было: весь первый этаж занимал зал, уставленный длинными скамейками и столами. Вдоль стен тянулись стеллажи с посудой, в углу виднелась деревянная плита.

Здесь собрались, наверное, все кренчики Парника. Старики среди них отсутствовали, мужчины, женщины и дети одеты были одинаково – в длинные балахоны из тусклой синтетической ткани. Они сидели на скамейках, так что ног Бет-Зана разглядеть не мог, но не сомневался, что все, как и Глата, босы.

Четверо пиратов стояли под стеной с одной стороны помещения, еще трое на противоположной стороне. Их одежда состояла из ткани местного производства, если, конечно, плетение высушенных стеблей можно назвать тканью. Пираты носили штаны и широкие рубахи.

И все были вооружены. Пиччули засопел, улегся, прижавшись подбородком к полу, глядя в себя.

Покатое деревянное ложе, пружинный рычаг взвода, короткая стрела с тройным зазубренным наконечником и тетива, скорее всего, синтетическая... Со дна наполненной черной грязью ямы, в которую превратили его память, медленно всплыл пузырь, набух на застоявшейся осклизлой поверхности и лопнул словоформой...

Арбалет.

Словоформа была компактной, функциональной и опасной.

Завороженный процессом, когда к случайно увиденному предмету само собой прилепливается, казалось бы, до сих пор незнакомое сочетание звуков, пиччули проглядел, как внизу один из кренчиков, статный для жителя Глифа красавец с длинными светлыми волосами, поднялся и неуверенно пошел к двери.

Бет-Зана отпрянул, услышал окрик. Кричал, наверное, атаман пиратов, невероятно толстый для постоянно голодающей расы, похожий на белый кожаный пузырь с уродливым наростом головы, короткими кривыми ручками и ножками. Полнота его была, скорее всего, следствием целого букета наследственных болезней и гормональных расстройств, которые глифаны получили в результате газовых атак халган.

Один из стоящих под стеной глифанов сделал шаг, преграждая путь кренчику. Тот послушно остановился и стал говорить что-то примирительное, но пират с размаху ударил его в лицо прикладом арбалета. Даже до второго этажа донесся хруст челюсти. Кренчик с громким возгласом упал навзничь и, скорее всего, тут же потерял сознание от болевого шока.

Вряд ли кто-то из половинок сталкивался с подобным раньше. В зале послышались крики, несколько избранных попытались встать, чтобы подойти к раненому, но жирный пират вновь заорал, хрипло и угрожающе, и замахал арбалетом.

Все, и взрослые, и маленькие кренчики, вели себя как привыкшие к послушанию, не понимающие, что происходит, дети. Они тут же уселись, сложив руки на коленях, испуганно глядя друг на друга. Большинство детей тихо плакало, многие взрослые тоже. Атаман произнес несколько коротких фраз.

«Ищите других, – услышал пиччули. – Кто-то мог остаться на полях». Двое глифанов развернулись и вышли наружу.

Бет-Зана отполз, перевернулся на спину и тихо засопел. Золотые глаза, не мигая, глядели в низкий потолок, выложенный пластиковыми плитками.

Из сведений, которые он успел получить от ренши, из своих наблюдений, клочков воспоминаний и обрывков разговоров, которые слышал до того, как опустился на Глиф, он пытался сложить мозаику этого мира и решить, каким образом ему лучше всего обеспечить безопасность и здоровье своей новой доминанты.

Глата оглянулась. От зарослей колючек шел слабый поток холодного воздуха. Она пошевелила затекшими ногами, выпрямила их. Под навесом было темно, а из того, что находилось снаружи, ренша могла разглядеть лишь низ склона и край площади.

Однообразная, понятная, хорошая жизнь, которую она вела с самого рождения, нарушена. По привычке она продолжала думать, что стоит лишь Мастеру Горе спуститься с вершины и поговорить с дикими... спокойно, но в то же время твердо и непреклонно, именно так, как он всегда говорил с ней и остальными избранными, – и дикие поймут, как плохо поступали, ломая «Стену» и проникая в Долину. Но новый друг Бет-Зана не был диким, кажется, она уже успела полюбить его... Мастер Гора говорил, что они должны любить всех, даже диких, которых Глата раньше никогда не видела, и она любила их тоже, до тех пор, пока они не появились.

А Бет-Зана стал кричать и заставил ее влезть сюда.

Из темных зарослей тянуло холодом, и это было неправильно, хотя она и не могла понять, что именно здесь неправильного. Глата перевернулась на другой бок, спиной к тусклому, рассеянному свету, царапая руку, раздвинула колючки и всмотрелась.

Она была уверена в том, что ни один избранный никогда не залезал под этот помост. Никому бы в голову не могло прийти подобное, это совсем не вписывалось в ту жизнь, которую они вели. Для них казалось невероятным сделать хотя бы шаг в сторону от расписания, которому из года в год подчинялись их жизни: подъем в определенное время, молитва, завтрак, затем большинство идет на поля, забрав с собой детей, а некоторые остаются, чтобы

убрать дом и приготовить пищу – эту пищу им давал Мастер Гора, в свою очередь, получавший ее от Властных. Работа, неторопливая и тщательная, ухаживание за клубнями, прополка, воткнутые в рыхлую землю тонкие палочки, к которым привязывались еще не окрепшие молодые стебли. Возвращение в дом, ужин и вечерняя молитва, и ночь, проведенная в общих комнатах, если тебе еще нет пятнадцати циклов, или с каким-нибудь кренчиком, тем, что тебе назначил Мастер Гора...

В этом мире не было места нелепым поступкам вроде того, чтобы залезть под помост дороги Мастера. Он бы не одобрил подобного и даже наказал, и все бы согласились, что наказание справедливо.

Поэтому, решила Глата, никто из кренчиков до сих пор не знает о том, что в зарослях колючек под помостом дороги есть глубокая яма, в которой мерцает тусклый свет.

Она испугалась.

Нужно бояться, говорил Мастер Гора. Страх перед Властными укрепит любовь к ним. Страх перед дикими усилит желание работать лучше и быстрее попасть в золотые поля. Вы должны любить, а любовь питается страхом.

Но то были законные, понятные страхи, привычные с детства. Сейчас она впервые в своей монотонной жизни ощутила страх перед чем-то абсолютно неизвестным, чужим.

Из ямы не доносилось ни звука. Мерцающий свет висел в воздухе расплывчатым пятном, ограниченным густыми зарослями колючек, а сверху помостом. Ренша вдруг поняла, что сейчас кто-то обязательно появится оттуда, поднимется костлявая лапа, она увидит глаза... почему-то они представлялись половинке красными и узкими... ее схватят и утянут вниз, под землю, откуда она уже никогда не выберется, потому что там с ней сделают что-то такое, по сравнению с чем самое жестокое наказание Мастера покажется лаской кренчика. Такое, чего она никогда не испытывала, даже не догадывалась, что подобное можно сотворить с живым избранным...

Она поползла. Край балахона зацепился за колючки. Глате показалось, что костлявая рука из ямы пытается схватить ее, она тихо заскулила, дернулась всем телом и выскочила наружу, под теплый дождь.

Бет-Зана принял решение. Особого выбора у него не было: фаза двойного «эго» требовала безусловной безопасности доминанты. Он бесшумно вернулся на крышу и скатился с нее, рухнув в заросли бурьяна и колючек, заполнявших узкое пространство между задней стеной общежития и склоном. Из-за угла здания пиччули еще раз оглядел площадь, затем стремительно пересек ее и присел позади платформы с лесенкой и низкими перилами. Пиччули уже решил, что с этой платформы жрец – Мастер Гора, как назвала его ренша, – читает свои проповеди избранным. Платформа располагалась гораздо выше, чем помост монорельсовой дороги, поэтому прятать доминанту здесь не имело смысла. Бет-Зана оглянулся на общежитие и побежал.

Площадь все еще была пуста. Далеко между склонами гор мерцала дымка репрессивного поля.

Пиччули нырнул в кусты, привстал и осмотрелся. Вторая долина Парника была в несколько раз больше первой, но там не имелось ни одного строения, лишь поля, расчерченные ровными рядами кустов. Дальний край долины терялся из виду в серой пелене. Приглушенные голоса донеслись сзади. Бет-Зана распластался на земле, раздвинул стебли и выглянул.

Из трехэтажного здания вышло несколько диких, трое направились в сторону пиччули, остальные – в противоположном направлении, к Стене. Раздались возгласы, – кажется, они заметили, что репрессивное поле включилось вновь, – один пират бегом вернулся к общежитию, скрылся в нем. Троица не спеша прошла мимо, тихо переговариваясь. Бет-Зана

дождался, когда они скроются в пелене дождя, выбрался из зарослей и побежал обратно, двигаясь вдоль подножия горы, чтобы иметь возможность в любое мгновение нырнуть в кусты. Из общежития донеслись приглушенные крики, быстро смолкнувшие. Пиччули присел, отдышался, несколькими длинными прыжками пересек расстояние до монорельса. Там он нырнул под помост – и тут же выскочил обратно, вращая глазами и повизгивая.

Ренши не было.

В голове пиччули зазвенело. Он вскочил на помост, обежал его, тяжело дыша и шмыгая носом. Спрятаться здесь негде, хотя на помосте стояла металлическая тумба, накрытая прозрачным колпаком. Бет-Зана остановился, разглядывая ее. Панель управления под колпаком усеивали датчики и прямоугольные клавиши. Пиччули постучал по пластику костяшками пальцев, склонился, рассматривая простой магнитный замок, на который запирался колпак. Вскрыть его не представляло проблемы, скорее всего, все это было лишь формальной защитой – ни одному из послушных кренчиков не пришло бы в голову взламывать ее и вызывать вниз вагон монорельса.

Пиччули выпрямился, пытаясь унять головокружение, возникшее после исчезновения доминанты, соображая, смогут ли пираты справиться с магнитным замком. В его памяти уже всплыло название того цилиндра, что лежал у пограничных холмов. Скорее всего, он и стал причиной нарушения работы репрессивного поля.

Модуль.

Модуль, на котором прилетели дикие, – достаточно простое транспортное средство, но все же и его управление требовало известной сноровки. Если их специально обучали, то учителя должны были вложить в головы пиратов хотя бы минимальные основы стандартных систем управления, а значит, при желании дикие, вскрыв замок, смогут вызвать вагон и подняться на вершину горы.

Мельтешение шизофренических образов в его мозгу медленно нарастало. Это, только-только достигшее второй фазы, возмущалось отсутствием недавно обретенной доминанты, грозя вновь лишить пиччули рассудка.

Спрыгнув на землю, он помчался обратно, но на полпути упал, заметив впереди четверых диких, которые конвоировали к общежитию нескольких кренчиков. Те шли, словно животные, сбившись в стадо, все, кроме одного, который то и дело останавливался и пытался что-то сказать, протягивая руки к пиратам. Они как раз миновали платформу в центре площади, когда кренчик вновь остановился. Пират толкнул его в спину, но избранный повернулся к нему и заговорил, улыбаясь, показывая на вершину горы. Пират шагнул назад, громкий шелчок донесся до пиччули. Кренчик упал на спину, дружный возглас ужаса избранных разнесся над площадью. Мозг Бет-Заны захлестнула волна жара.

Он не мог разглядеть лица упавшего кренчика, широкий балахон не позволял определить даже его пол. Это второй фазы заставило его тело подняться и броситься вперед, в сторону диких, которые пинками подталкивали избранных к двери общежития.

Если бы хоть один из пиратов сейчас оглянулся, он увидел бы существо в коротких штанах и распахнутой рубахе, безмолвно бегущее к ним, вытянув перед собой сильные руки с растопыренными пальцами и длинными коричневыми когтями. Но пираты, втолкнув кренчиков в дверь, один за другим скрылись следом, так ни разу не оглянувшись. Последний отрезок пути Бет-Зана преодолел одним длинным прыжком и упал на колени возле избранного.

Это была не Глата. Кренчик лежал на спине, прижав руки к животу, обратив искаженное лицо к облакам. Между пальцами торчало толстое древко стрелы с пластиковым оперением. Кровь, смешиваясь с дождем, растеклась по животу водянисто-розовым пятном. Взгляд широко раскрытых глаз был бессмысленным. Пиччули наклонился ниже, вглядываясь в эти глаза. Их наполняла боль – умирающий не кричал лишь потому, что недо-

ставало сил. Бет-Зана положил на шею кренчика широкие ладони и нажал, ощущая под пальцами предсмертное биение артерии. Когда жизнь покинула избранного, пиччули, пригибаясь, побежал в обход общежития.

В зале на первом этаже общежития Сэл Арка поднял голову. Еще несколько избранных добавилось к тем, что уже находились здесь. Среди них одно лицо привлекло внимание младшего сына атамана табора Вега.

Избранные были красивы; все, и кренчики и ренши, имели одинаково правильные черты лица, все были похожи друг на друга, но эта ренша выделялась среди них. На фоне остальных она выглядела почти уродливой, словно какой-то ген в заложенной Властными жесткой программе дал сбой.

Впрочем, такие понятия, как генетическая программа и наследственность, мало о чем говорили Арка. Будучи младшим сыном атамана, Сэл выглядел куда взрослее своего старшего сводного брата и двух старших сводных сестер. Его тело, лишенное волос даже в паху и под мышками, заплыло жиром – редкостное исключение среди тощих глифанов. Абсолютно лысая голова напоминала бледный кожаный шар, на котором едва виднелись плоские маленькие уши и лишь с трудом угадывались расплывшиеся черты лица. Из глубоких щелей между жировыми складками таращились маленькие светлые глазки. В самом многочисленном и влиятельном таборе Глифа, Арка Вега, занявшем наиболее богатые почвы южные топи, Сэл не имел возможности претендовать ни на что, кроме сытной однообразной жизни, которая могла в любой момент оборваться ударом наемного убийцы, подосланного Сэлом Арка-старшим, первым сыном атамана табора. Адепты Конклава не просчитались, из всех кочевников планеты избрав для своих целей именно Сэла. Стратостат, арбалеты и гипнотический курс обучения, позволивший ему управляться с приборами, давали младшему Арка надежду на будущую власть в таборе.

Сэл опустился на стул, затрепавший под его весом, и поманил к себе Берами. В руке Арка Вега держал коробочку переговорника с круглым глазком видеокамеры, и такие же коробочки болтались на поясах всех глифанов.

Кривоногий пират подошел, как всегда, ухмыляясь. Жизнь кочевников не способствовала развитию чувства юмора, но ближайший помощник Арка, не отличаясь умом, имел счастливый талант находить смешное во всем.

– Что там? – спросил Сэл.

– Еще пятерых дохляков поймали, – ослабившись, пробормотал Берами. – Двоих в полях, двоих на склоне, а одну прямо здесь.

– Пятеро... – сказал Арка, пересчитывая их. – Пятеро, а?.. Так почему их четверо?

Подойдя ближе, Берами пожал плечами.

– Один чудить вздумал... – сообщил он, доверительно наклоняясь к атаману. – Подрасться захотел. Берами ему дырку в брюхе сделал.

Без замаха Сэл коротко и сильно саданул его кулаком в грудь. Помощник хрипло выдохнул и уселся на пол, разинув рот. Арбалет вылетел из его рук.

Арка вцепился в волосы на его макушке, приподнял и зашипел в сведенное судорогой боли, но продолжавшее ухмыляться лицо:

– Подрасться захотел?! Они все от страха пошевелиться боятся! Их нельзя убивать, понял?! Они важнее для тех, кто вверху, чем даже кренч. Их можно пугать, бить, насиловать, но убивать нельзя! Еще раз убьешь хоть одного – я съем твои кишки!!

Когда он отпустил Берами, тот продолжал улыбаться. За одну эту кривую ухмылку, навсегда приклеившуюся к лицу помощника, Сэл иногда готов был растерзать его.

Он поманил некрасивую реншу. Та подошла маленькими шажками, бледная от испуга. На фоне пиратов все избранные казались физически очень здоровыми, но у этой сквозь блед-

ность проглядывал болезненный румянец. Сэл схватил ее за плечо и потянул к себе, чувствуя внезапно возникшее влечение к этой воплощенной в плоть генетической ошибке, исключению из правил. Среди пиратов женщин не было, а в своем таборе он привык немедленно претворять в жизнь подобные желания – исключениями не являлись даже сводные сестры, не домогался он разве что женщин, принадлежащих отцу и старшему брату. С удовлетворением увидев слезы на ее глазах, Арка привлек реншу к себе, заставив прижаться лицом к своей груди, похожей на два сплюснутых белых шара. Он готов был взять ее здесь, на глазах у остальных дохляков, потому что ему уже сообщили, что вторичное мерцание репрессивного поля вновь возникло между горами, а значит, излучатели включились, и у пиратов появилось лишнее время. Но предстояло еще выйти на связь с орбитой и объявить свой ультиматум, и поэтому сейчас увлекаться не стоило.

Сэл оттолкнул реншу и этим спас себе жизнь: из-под потолка с прилепившегося к стене узкого коридора за ним наблюдал Бет-Зана, уже приготовившийся спрыгнуть вниз и свернуть пирату шею.

Атаман встал, окидывая взглядом притихших дохляков. Некрасивая ренша попыталась отойти, но Сэл притянул ее к себе и обхватил за шею.

– Здесь должен быть передатчик, – сказал он Берами. – Не у них, конечно. У жреца. Как они называют его?

– Мастер, – подсказал помощник, бессмысленно ухмыляясь. – Но он на верху горы.

– Туда ведет дорога...

– Монорельс, – захихикал Берами. – Это называется «монорельс».

– Надо взять заложников. Эту... – Сэл ущипнул реншу за шею и толкнул ее к двери. – И еще троих. Двух детей и одного самца. Самых напуганных, чтоб не дергались по дороге. Мы поедем впятером, ты с остальными останешься сторожить. Будем поддерживать постоянную связь.

Стоило доминанте исчезнуть из поля зрения, как ментальный хаос усиливался, но если золотые глаза пиччули видели ее, эго второй фазы сразу успокаивалось.

Услышав, что именно пираты собираются делать дальше, Бет-Зана вновь вскарабкался на крышу и замер там, раздираемый противоречивыми чувствами. Сейчас, когда сознание еще только вошло во вторую фазу, ему необходимо было постоянно иметь доминанту перед глазами. В первый раз ему пришлось сделать значительное внутреннее усилие, чтобы оставить реншу под помостом монорельса, а самому уйти оттуда. Но тогда сознание знало, где именно находится доминанта, и потому не бунтовало.

Пиччули тихо заскулил, преодолевая рефлекс, которые составляли основу выживания его расы – и в конечном счете привели к ее исчезновению, – затем скатился с крыши. Он во второй раз проделал короткий путь от общежития до помоста монорельсовой станции, увидел, как группа из пяти вооруженных арбалетами глифанов и четверых кренчиков идет в эту сторону. Бет-Зана взобрался на помост, окинув его быстрым взглядом, присел за тумбой с плексигласовым колпаком, но тут же понял, что спрятаться здесь не удастся, и перепрыгнул на склон.

Карликовые деревья и плотные заросли колючек изогнулись ветвями к тучам. Бет-Зана припал к земле, разглядывая узкий рельс. По склону тянулась неглубокая канава, на дне которой он и находился. С двух сторон торчали короткие ярко-красные столбики, словно покрытые мириадами тускло отблескивающих снежинок.

Стеклокерамика ... всплыла в сознании опасная, острая словоформа. С виду гладкая, стеклокерамика могла порезать до крови при малейшем прикосновении.

Пиччули полез вверх, хватаясь за мокрые ветки и выгнутые дугами стволы. Колючки цеплялись за одежду.

Снизу сквозь шелест дождя донеслись голоса, Бет-Зана, не останавливаясь, пригнулся – и услышал щелчок.

В сознании второй фазы оставалась еще значительная часть звериных рефлексов, и только животная часть пиччули заставила его отпрянуть, распластаться на склоне, вцепившись в кусты. Над головой заструился воздух, когда три закамуфлированных под толстые ветви оружейных ствола послали силовые потоки, перекрестившиеся там, где за мгновение до того находилось тело Бет-Заны. Атака длилась несколько секунд, затем сомкнувшиеся диафрагмы, неотличимые от древесной коры, скрыли отверстия стволов.

Голоса приблизились и смолкли. Ругань, короткий приказ, приглушенный скрежет... Глухой хлопок возвестил о том, что магнитный замок защитного колпака вскрыт. Пиччули лежал не шевелясь. Тонко загудел рельс – вызванный с пульта вагон покотился вниз от станции на вершине горы.

Бет-Зана осторожно поднял голову, разглядывая прозрачную лесу, протянувшуюся рядом с его головой. Он не сомневался, что эта леса не единственная. Наверняка здесь спрячаны и другие ловушки.

Мастер Гора предпочитал контролировать все пути. Внешне все было пристойно, но на самом деле любого взрослого или ребенка кренчиков, вздумавшего вдруг выйти из раз и навсегда установленного расписания и от нечего делать забраться к жилищу жреца по склону, ожидали капканы. Строенные силовые потоки, накладываясь друг на друга, резонировали в пиковой фазе, что разрушительно действовало на любую органику.

Бет-Зана встал, медленно переступил через лесу, вытянул руку, ухватившись за ствол дерева, росшего выше по склону, и прыгнул.

Рельс загудел громче, по склону посыпались комья влажной земли. Дальше идти не имело смысла, никакие инстинкты не помогли бы преодолеть все ловушки. Он остановился и присел, вглядываясь.

Из просвета между кустами появился закругленный передок вагона. Тот состоял из узкой платформы, низко сидящей на рельсе, четырех круглых штанг, подпирающих плоский навес, и нескольких скамеек. Склон везде имел примерно одинаковый наклон, штанги и спинки сидений возвышались наискось, перпендикулярно к нему. Низкие перильца ограждали платформу, по углам их виднелись шары, состоящие из множества маленьких зеркальных шестиугольников.

Черная яма его памяти изрыгнула словоформу, которая пузырем всплыла к поверхности и закачалась, разбрызгивая по мозгу капли – сигналы смертельной опасности.

Замри-шар ... Замри-шар... ЗАМРИ-ШАР!

Пиччули замер.

Зеркальные шары медленно вращались по углам перил, в их гранях отражались ветви и листья, склон и неподвижная фигура приживалы, весь калейдоскоп фрагментов, из которых складывался окружающий мир.

Замри-шар мог иметь лазерную, силовую или плазменную приставку, но в любом случае его накачивали желеобразной электроколлоидной субстанцией, которая агрессивно реагировала на любое движение в непосредственной близости. Эти четыре замри-шара работали только во время движения вагона, при остановке на вершине горы или у подножия их полусознания автоматически усыплялись специальным сигналом. Кроме того, в них наверняка были введены абрисы мертвой зоны, совпадающие контурами с платформой вагона, а иначе они бы открывали огонь и по пассажирам, которым вздумалось шелохнуться на своих сиденьях.

Вагон медленно проплыл мимо. Несколько долгих мгновений пиччули видел свое отражение, кривящееся на зеркальной грани шара, потом заросли скрыли вагон, и Бет-Зана позволил себе пошевелиться.

Все усложнилось. Он начал раздумывать над тем, чтобы спуститься и атаковать глифанов, пока они будут садиться в вагон, но быстро отбросил эту мысль, поняв, что уже не успеет сойти медленно и бесшумно, а в случае быстрого спуска, сопровождаемого обязательным треском сломанных ветвей, будет немедленно обстрелян.

Бет-Зана посмотрел вверх, затем вниз.

Потом через голову стянул рубашку.

Через минуту вагон вновь появился в поле его зрения. Какофония голосов, мельтешение полужнакомых образов и картинок непрерывной чередой осаждали рассудок Бет-Заны, но все это исчезло, как только его глаза увидели Глату.

Она сидела рядом с кренчиком-ребенком в окружении еще двоих избранных, ренши-девочки и светловолосого парня. Напротив расположился тот жирный глифан, которого пиччули собирался убить в доме-общезитии. Четверо диких стояли на ступеньках по углам платформы, сбоку от замри-шаров, внимательно глядя по сторонам, со взведенными арбалетами наизготовку.

Бет-Зану от них пока еще скрывали заросли, к тому же он прислонился плечом к изогнутому стволу карликового дерева. Густая шерсть, покрывавшая его обнаженный торс, цветом почти не отличалась от древесины и пожухлой листвы. Одна рука была прижата к груди, другая опущена вдоль тела, и пальцы ее оттопыривались. Ноги он согнул, как перед прыжком.

Вагон поднимался медленнее, чем спускался. Жирный глифан скользнул взглядом по кустам, посмотрел на пленных и что-то сказал. Маленькая ренша захныкала и закрыла лицо ладонями. Глифан поправил прямоугольную коробочку, лежащую на спинке сиденья в соседнем с ним ряду.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.